

МИЛА ДРИМ

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Мила Дрим

Золотая орда

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650947
ISBN 9785005027641*

Аннотация

Я – хорошая девочка. Правильная, послушная, терпеливая. Лишь ночью, мечтая, я позволяла себе быть собой – я мечтала о прекрасном принце и защитнике, но осознавала, что это невозможно в наше непростое время. Но я ошиблась. ОН ПОЯВИЛСЯ. Только это был не прекрасный принц в сияющих доспехах, а бандит с огнестрельным оружием в руках. И это точно не та сказка, о которой я мечтала...ВНИМАНИЕ! На момент вступления в сексуальные отношения все герои достигли СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ!

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	29
ГЛАВА ПЯТАЯ	41
ГЛАВА ШЕСТАЯ	53
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	63
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	75
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Золотая орда

Мила Дрим

© Мила Дрим, 2024

ISBN 978-5-0050-2764-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателям.

Этот роман основан на реальных событиях, в связи с этим я лишь примерно описываю место, где происходила эта история. Прошу понять – здесь есть и личное, и плод моей фантазии – но предупреждаю сразу – я не имею права раскрывать карты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я никогда не считала себя баловнем судьбы, но, несмотря на определенные трудности в моей жизни, я ощущала себя довольно счастливым человеком, и изо всех сил пыталась сохранить позитивный настрой.

Мне не было и года, когда я впервые столкнулась с жестокостью мира. Говорят, даже если ты не помнишь эти моменты младенческой жизни, подсознание впитывает в себя это навсегда. У меня случилась ангина – жуткая, с высоченной температурой, которую невозможно было сбить. Приехавшая скорая помощь решила использовать крайне эффективный метод – меня окунули ванну с ледяной водой. Это сейчас такие вещи запрещены ввиду высокой смертности из-за колоссального перепада температуры. Однако, я видимо, оказалась маленьким бойцом, и выжила.

Это было лишь начало моей жизни, но она оказалась насыщенной на события.

Вспышки из детства – меня, плачущую, мама заворачивает в детское одеяло, я до сих пор помню, как оно выглядело – красно-белые квадратики. Мы с мамой и старшей сестрой куда-то бежим, на улице – ночь. Страшно, моя маленькая душа сжимается, а сердечко бьется часто-часто.

Мой папа снова начал пить и принялся буяннить – и мы спасаемся от него на квартире маминой подруги. В кото-

рый раз.

Это продолжалось долгое время – его пьянки, приступы раскаяния, громкие обещания, временное затишье и снова алкогольный ад, страшный, снящийся мне в кошмарах, с избиением матери, с ее синяками на руках и шее, ее крики, проклятия в сторону папы и звонки участковому в страшной агонии – лишь бы успеть, лишь бы вовремя приехали.

Моя старшая сестра, будучи ребенком, уже получила свою порцию ужаса, и теперь она, достигнув возраста, когда можно было гулять с подругами, просто уходила из дому, чтобы не видеть очередную семейную трагедию. Надо ли говорить, что ей было не до меня?

Я же, девятилетняя, смотрела на это, содрогаясь от ужаса и сотен вопросов.

Зачем он это делает?

Почему мама позволяет так с собой поступать?

Чего не хватает моему отцу в жизни, раз он находит радость в пьянках?

Почему стакан водки для него дороже всех нас, и меня?

Когда папа не пил, наверное, он был хорошим отцом. Наверное.

Он был мечтателем, всегда много говорил, витал в облаках и почти никогда не работал. Добытчиком в нашей семье была мама.

Я помню наши прогулки в парке вместе с отцом. Солнечный май, предвкушения летних каникул и какого-то несбы-

точного чуда, папа – такой красивый, высокий, голубоглазый брюнет, и я рядом с ним, так похожа на него лицом, только светловолосая, и, увы, с серыми глазами. Многие женщины заглядывались на моего красавца-отца, это потом, годы спустя, я узнала, что он постоянно изменял моей прекрасной матери, а тогда, в свои девять лет, я находилась в невинно-наивной неизвестности. В минуты папиного хорошего настроения, я почти восхищалась им. Но чаще он был недовольным критиком, раздраженным моими всегда неуместными вопросами, моей слабостью и трусостью.

И все чаще я понимала, что не оправдываю его высокие ожидания. Пару раз отец называл меня при своих некогда крутых друзьях «пацанкой». Признаться, я бы хотела угодить папе и соответствовать этому прозвищу. Но я была совсем другой – неуверенной девочкой, которая, вскоре, научилась почти терпеливо сносить семейную трагедию и выглядеть взрослой. Так было удобно моим родителям. Так было удобно и мне, чтобы не разочаровываться в смысле, заключенном в слове «семья».

Это то, что вам нужно было узнать обо мне, чтобы понять меня и тот мир, в котором я росла.

Центральная Россия, 2005 год

Я распахнула глаза, уставившись в потолок. Сегодня было 7 марта. Грудь тут же стиснуло от осознания – мой день рождения. Мне исполнилось 17. Говорят, самый прекрасный возраст, но я так не считала, потому что по-прежнему счи-

тала себя слабой, временами маленькой девочкой, несмотря на мои 175 сантиметров. А я – не хотела бы быть такой.

Мой будильник продолжал пищать, и мне пришлось слезть с кровати. Комната, в которой я жила, была маленькой, так, чтобы выключить сигнал, мне понадобилось сделать всего два шага. Я потянулась и шагнула к окну – на улице таял снег, повсюду были лужи, в этом году обещали раннюю весну, и, кажется, она оправдала это.

Я накинула халат и, выйдя из комнаты, завернула в ванную. Холодные плитки под ногами обжигали мои стопы, и я начал торопливо чистить зубы, попутно распланировывая свое время в голове. Меня ждали занятия в школе (я заканчивала 11 класс), затем я хотела заглянуть с подругами в кафе, чтобы скромно отпраздновать свой день рождения – мама выделила мне небольшую сумму, и я, сгорая от стыда, приняла ее. Пусть это были небольшие деньги, но этот жест был полон заботы. Мы не могли пригласить гостей в дом – моя бабушка была тяжело больна – вот уже который месяц она лежала в постели, и прогнозы врачей были неутешительными – ее даже не госпитализировали в больницу – старый человек им был не особо нужен. И все, что оставалось нам с мамой – с болью наблюдать, как бабушка чахнет на глазах.

У меня не было праздничного настроения. Но ради мамы я попыталась изобразить его на лице. Я шагнула к овальному зеркалу, висящему над раковиной – на меня смотрела бледная, с золотисто-каштановыми волосами девушка. Мои

большие, серые глаза выражали тревогу, синие тени, что пролегли под ними, выдавали мои бессонные ночи, когда я, уставившись в черный потолок, размышляла снова и снова, как мне жить, как быть, как помочь маме. Я растянула свои пухлые губы в улыбке, пытаюсь придать себе бодрый вид. Проведя расческой по волосам, собрала их низкий хвост, и вышла на кухню.

– С днем рождения, Камила, – теплые губы мамы коснулись моей прохладной щеки. Мать поставила передо мной чашку с чаем и кивнула в сторону двери, за которой находилась комната бабушки:

– Тетя Аня зайдет сегодня, присмотрит за ней. Бабушка совсем плохо себя чувствует.

Я сочувственно произнесла:

– Я заметила, она вчера почти ничего не съела из ужина.

Лицо моей матери, красивое, ухоженное, на миг, исказилось от внутренней боли, затем послышался ее голос:

– Да. Говорят, незадолго до смерти человек теряет аппетит.

Я вздрогнула от слов мамы и уставилась в бокал с чаем – его коричнево-янтарная поверхность источала тепло. Я сделала глоток, совершенно не зная, что сказать матери и как поддержать ее. Хотя я всегда была ее поддержкой. Но сейчас, все на что я была способна – послать ей понимающий взгляд.

– Не задерживайся, – бросила она мне на прощание.

Я кивнула, грустно улыбнувшись – еще не было дня, ко-

гда я бы задерживалась. Я всегда была вовремя, я никогда не подводила ее. Позавтракав и убрав за собой посуду, я налила в высокий стакан воды и заглянула в комнату бабушки.

Запах старости, слабости и болезни – горький, затхлый, вызывающий щемящую боль в груди, пронзил меня. Я замерла на пороге, устремив свой взор на бабушку – та лежала на узкой кровати, солнечный свет, льющийся из окна, чуть касался ее бледного, измученного болезнью и старостью, лица. Ее блеклые, зеленые глаза остановились на мне – затем послышался голос бабушки:

– Воды.

Я протянула ей стакан, удерживая его пальцами, потому что я знала, что бабушка не сможет его удержать – она была слишком слаба, ее руки-веточки, с кожей, похожей на пергаментную бумагу, дрожали. Я приподняла ее голову и помогла бабушке сделать пару глотков. На большее у нее не хватило сил. Я грустно улыбнулась – мы никогда не были с бабушкой близки, она не была той бабушкой, которая пела колыбельные, заплетала косички, и всячески баловала своих внуков. Но мне было искренне жаль ее. Я испытывала сочувствие к ней и невыразимую печаль от мысли о том, что скоро она умрет.

Послышались шаги – это моя тетя Аня пришла пригласить за бабушкой. Невысокая, темноволосая женщина, всегда мне напоминавшая итальянку своей эмоциональностью и яркими темными глазами, шагнула в бабушкину комнату.

Я поздоровалась с ней, приняла от нее теплые слова поздравления, перекинулась парой будничных фраз, затем, поспешила к себе.

До уроков оставалось менее сорока минут, и я терпеть не могла приходить за минуту до звонка. Я открыла старенький шкаф, он громко скрипнул, намекая, что ему давно пора было бы смазать петли. Но у нас не было мужчин дома, чтобы заняться этим делом. Я подумала, может, подойдет для этой цели и растительное масло? Узнаем вечером. Я не была так беспомощна – по крайней мере, я умела вкручивать лампочки. Достав брюки и приталенный свитер бледно-голубого оттенка, я, быстро одевшись, прихватила сумку и направилась в школу.

Я с жадностью втянула в себя утренний воздух – он пах бензином, грязью, сыростью, но он невероятно нравился мне. Я улыбнулась, глядя на небо – оно, освещенное солнцем, стало меняться, превращаясь из унылого, серого, в лазурно-голубое. Мой день рождения будет солнечным, весенним деньком.

Я быстро добралась до школы. Это было обычное образовательное учреждение. Моя мама первые годы преподавала здесь, затем ушла в гимназию – завучем. Однако, несмотря на то, что она уже не работала в моей школе, ореол учительской дочки неустанно преследовал меня с самого первого класса. И я обязана, должна была соответствовать ему – правильная, порядочная, не имеющая права на негативные

эмоции и плохие оценки. Но, признаться, последние все – таки были. Среди наших учителей были те, кто в силу своего дурного характера намеренно занижал оценки или заваливал, просто из своей вредности. Меня это тоже не обошло стороной. Таких педагогов я мысленно называла «вампирами». Это были действительно неприятные, забирающее люди. К счастью, помимо них, имелись и достойные учителя, например, по русскому языку и литературе. Татьяна Владимировна всегда преподавала так, что не хотелось уходить с ее уроков, а еще она часто твердила, что я очень одаренная. Я была благодарна ей за ее веру в меня.

Уроки закончились в половине второго. Я с необычайным воодушевлением спустилась на первый этаж, меня окружили две моих подруги – Катя и Настя, мы были дружны с пятого класса, делились секретами друг с другом, и одноклассники называли нас «святой Троицей».

Рыжеволосая подруга, в очередной раз обняв меня, обдав мой нос ярким, шипровым ароматом парфюма, произнесла, сверкнув зелеными глазами:

– Ну что, готова отпраздновать свое почти совершеннолетие, как большая девочка?

Я усмехнулась и окинула Катю многозначительным взглядом, отвечая смеющимся голосом:

– Я закажу себе двойной эспрессо, как и подобает такой взрослой девочке, как я.

Настя прыснула от смеха, тыча локтем в рыжеволосую по-

другу. Та лишь пожала плечами, соглашаясь с моим выбором. Мы были полны хорошего настроения и беззаботности, хотя бы сегодня, на часок я могла себе позволить это.

Я и мои подруги с веселым смехом, потешаясь над очередной шуткой Насти, зашли в местное кафе. Это было одно из новых заведений, построенных в нашем городе прошлой осенью. Вечерами здесь невозможно было найти свободного столика – так говорила Катя, я никогда не ходила после девяти гулять. Но сейчас – был день, и в кафе имелось мало посетителей – влюбленная парочка и группа подростков, эмоционально обсуждавшая очередную компьютерную игру. Мы дружно уселись за круглый, покрашенный в черный цвет, столик у окна, и сделали заказ баристу – я едва скрыла удивление, заметив, что это молодой мужчина, а не девушка. Катя подмигнула ему, а затем послала мужчине томную улыбку, по привычке играя свою роль роковой соблазнительницы. Это была ее лучшая и единственная роль, которая очень шла ей.

Настя, заметив это, демонстративно закатила свои выразительные голубые глаза, строя смешную мордочку. Она была просто очаровательна. Я рассмеялась, не в силах сдерживать свое хорошее настроение. Оно особо поднялось, когда мы забрали свой кофе – я с наслаждением вдохнула его крепкий аромат, от которого во рту стало сладко. К кофе у нас был небольшой, но безумно вкусный, абсолютно шоколадный торт. Мои подруги вручили мне подарок – трех-

томник Толкиена «Властелин колец». Я потрясенно смотрела на книги, они были выполнены восхитительно – плотная обложка матового, черного цвета, на которой золотистыми буквами было написано имя автора и название.

Я прижала подарок к груди, с благодарностью глядя на дорогих моему сердцу друзей.

– Спасибо, я тронута, – прошептала я, ощутив, как глаза обожгли слезы. Я быстро опустила их вниз, разглядывая темный напиток в белоснежной чашке. Это был первый подарок для меня за все эти годы. И он был действительно дорог для меня.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я стояла на остановке, ожидая своего троллейбуса. Мои подруги, жившие на одной улице, минутой раньше, расцеловав меня в обе щеки, уехали домой на автобусе. Я, все еще находящаяся под впечатлением от их подарка и теплого общения, стояла, мечтательно улыбаясь. Было уже почти пять вечера, становилось по-мартовски прохладно, но мое солнце, что сияло в душе, согревало меня. Устав ждать троллейбус, я решила пройти пешком.

Я шла, продолжая улыбаться и смотреть сверкающим взглядом по сторонам. Люди оглядывались на меня, окидывали непонимающими, и чаще, неодобрительными взглядами. Они не могли понять причину моего счастья – я была просто одета, не несла шикарный букет роз, и все еще не была влюблена, однако я любила жизнь и то сладкое, щемящее чувство свободы и понимания, что твоя жизнь только начинается.

Внезапно, что-то заставило меня повернуть голову направо, и моим глазам предстала яркая вывеска на стене нашего местного дома культуры – «Только 7—8 марта! В честь международного женского дня – кастинг от именитого фотографа Москвы. Ты можешь стать супермоделью!»

Я замерла, глядя на эти красивые буквы. Было бы глупо отрицать, что я не мечтала о том, чтобы однажды стать моделью. У меня был относительно высокий рост и достаточ-

но привлекательная, миловидная внешность, на которую все чаще и чаще начали обращать внимание. В памяти тут же всплыли передачи про супермоделей. Я помнила, как любовалась совершенным телом Эль Макферсон, как восхищалась и искренне радовалась за успех Натальи Водяновой. Почему бы и нет?

Я повторяла себе это снова и снова, направляясь к главным дверям здания. Поднявшись по ступенькам, я увидела сквозь двойные, стеклянные двери группу девушек. Я замешкалась, затем заставила себя зайти внутрь. Теплый, пропитанный сладкими духами, воздух, обдал мне лицо. Я сделала пару шагов, тут же ощущая на себе оценивающие взгляды. Мне стоило немало усилий, чтобы не уйти – я чувствовала себя неуверенно, и все же, была намерена узнать про кастинг, и, возможно даже, принять участие в нем.

Справа, со стороны коридора, послышалось уверенное цоканье каблучков, через несколько секунд в фойе показалась худая, высокая женщина. Ее буйные, кудрявые, рыжие волосы лежали на плечах. Цепкие, карие глаза прошлись по нам, затем раздался стервозный голос:

– Я – Олеся. Кастинг будет проходить в малом зале. Прощу за мной.

Она резко развернулась и пошла вперед, покачивая узкими бедрами. Группа девушек, переглядываясь меж собой, двинулась за Олесей следом. Как и я.

Я была очень взволнована по пути на кастинг. А что, ес-

ли Господь решил сделать мне подарок на мой день рождения? И сейчас, совсем скоро, решится моя судьба? Я стану успешной, знаменитой. Я смогу обеспечивать себя, маму и, кто знает, может смогу купить для бабушки чудо-лекарство? Мы переедем в просторную квартиру, я куплю маме машину и шубу, о которой она так часто вспоминала...

Громкий звук открывающейся двери, отвлек меня от дальнейших мечтаний. Я, затаив дыхание, не самым изящным способом, спотыкнувшись на пороге, зашла в зал, ловя на себе насмешливые взгляды моих «конкуренсток». Хотя это слово для меня было чуждо – я не любила и не умела конкурировать, и считала, что мы, девочки, должны друг друга поддерживать. Я окинула внимательным взором собравшихся – впереди, около невысокого, похожего лицом на рыбу, мужчины, стояла Олеся и еще какая-то молодая брюнетка, утянутая в комбинезон из черной, лакированной кожи.

– Я – Ирина, а это – Сергей Викторович, знаменитый фотограф из Москвы. Девочки, встаньте в ряд, чтобы он мог посмотреть на ваши лица, – сообщила черноволосая красотка.

Мы тот час выстроились, плечом к плечу. Я была не самая высокая среди участниц – были и те, кто был выше меня на голову. И это было не единственное различие. Мы отличались внешне. Сергей Викторович начал проходить мимо нас, с претензионным, неприятным выражением на лице разглядывая каждую девушку. Когда он подошел ко мне, я

едва не нахмурилась — я ощутила, что это странный и не самый порядочный человек. Когда фотограф отошел от меня и стал разглядывать другую девушку, я мысленно выдохнула — быть в относительной близости было крайне неприятно. Уже тогда я поняла, что пора уходить.

Но когда Олеся предложила всем нам раздеться до нижнего белья, и девочки, без стеснения, начали обнажаться, показывая свою заметную худобу с проступающими ребрами, я без промедления направилась к выходу. Олеся бросила мне усмехающийся взгляд и добавила почти дружелюбным тоном:

— Не все проходят первые шаги к успеху, видимо, ты не готова платить цену.

Я не нашла слов для нее. Единственное, что я хотела — просто уйти, как можно скорее. Я подтянула сумку к себе и прижала ее к груди, как спасательный щит. Я шла так быстро, насколько были способны мои ноги, обутые в обувь на невысоких, но все же, каблуках. А каблуки требовали особой внимательности.

Я никогда не отличалась особым изяществом в движениях, но, видимо, сегодня, был тот самый день, когда мне предстояло превзойти себя. Продолжая стремительно идти, я рывком открыла дверь и вышла наружу, делая слишком большой шаг, отчего мой каблук заскользил по льду и я начала падать, но вовремя ухватила за ручку двери и удержалась на ногах, в отличие от моей сумки, которая упала. Услы-

шав мужские голоса, я торопливо потянулась к сумке, и уже, выпрямляясь, едва не столкнулась с одним из мужчин. Он что-то сказал своим спутникам, они засмеялись. Нет. Они громко заржали, но я, даже не посмотрев на лица – ни одному из них, снова прижав сумку к себе, поспешила прочь. Может быть, они смеялись надо мной, может – над – только им понятной шуткой. Мне было все равно. Я хотела как можно скорее вернуться домой, принять душ и смыть с себя воспоминания об этом кастинге.

Мои ноги устали, и я чувствовала себя не самым лучшим образом, поэтому решила дойти до ближайшей остановки, чтобы дождаться троллейбуса. Идти было не так далеко – всего две остановки, но, кажется, я была неспособна осилить их.

Было почти шесть – и я была не единственная, кто хотел доехать домой. На остановке было полно народу. Начался противный дождь, он был удивительно холодный. К сожалению, мне не хватило места под крышей остановки. Я накинула капюшон на голову, глядя на проезжающий транспорт – автобусы: пазики и гармошка, автомобили: десятки, иномарки... Они ехали мимо, поднимая волнами мутные лужи, которые долетали до прохожих, пачкая их одежды и портя настроение.

Я с напряжением вглядывалась вдаль, терпеливо ожидая свой троллейбус. Дождь усилился, он стекал по моему лицу, плечам, мои ноги начали подмерзать и я, чтобы не замерз-

нать, стала сжимать-разжимать пальца на них. Мне очень хотелось домой. Я шагнула вперед, увидев приближающийся троллейбус, но, увы, он проехал мимо. Следом пришел автобус, в который, словно в консервную банку, загрузились уставшие, промокшие люди. Скоро они будут дома и согреются. Скоро придет и моя очередь.

Я передернула плечами, и устало вздохнула, пытаясь сохранить оптимизм, как, вдруг, в четырех шагах от меня, рядом с остановкой, остановился черный мерседес. Я, на миг, залюбовалась плавными изгибами машины, все-таки во мне была сильно развита эстетическая сторона, затем, наконец, догадалась, направить свой взор подальше – на перекресток, где должен был появиться троллейбус.

Мерседес продолжал стоять, затем распахнулась дверь пассажирского сиденья. Откуда-то из глубины послышался мужской голос:

– Садись.

Я нервно обернулась, полагая, что это обращение было к кому угодно, ну уж точно ко мне. Оглядевшись, я, потрясенная, обнаружила, что рядом со мной никого не было – все люди стояли под крышей остановки, и это «садись» предназначалось мне.

Я замерла, на долю секунды испытывая искушение – я была очень замерзшая, усталая, и мне нужно было домой. Сесть в мерседес, доехать за пару минут в сухости и невероятном комфорте казалось заманчивым. Но, может, я была

дура, но не такая круглая, чтобы прыгнуть к неизвестному мужику в его машину, чтобы потом горько пожалеть об этом и, хуже того, быть на первой полосе нашей местной газеты, как жертва изнасилования или убийства.

Я крепче вцепилась в сумку и попятилась назад, делая вид, что ничего не слышала. Прошло всего пару секунд, как дверь захлопнулась и мерседес, с абсолютно тонированными окнами, мягко двинулся с места и, вливаясь в поток машин, скрылся из виду. К моей радости, следом подошел троллейбус. Уже через пятнадцать минут я была дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я проснулась в полночь от крика, полного страдания. Спрыгнув с кровати, по пути роняя стул, я выбежала из комнаты и побежала на источник боли. Это кричала бабушка. Мы столкнулись с мамой в дверях, она опередила меня, неся бабушке стакан воды – ее жажда стала сильной. Говорят перед смертью, человек никак не может утолить ее.

Я шагнула в комнату, наблюдая, как мама поит бабушку. Ее сил хватило снова всего лишь на два глотка. Затем, она, застонав, смежила веки.

– Иди, ложись, – усталым голосом произнесла мама. Ее взгляд, задумчиво-печальный, застыл на мне.

– Я помогу, – ответила я, но мама покачала головой:

– Не надо

Я бросила на нее и бабушку взор: обе были измученны.

– Иди, – повторила мама, показывая взглядом, что сейчас моя помощь и присутствие – лишние. Я нерешительно вышла из комнаты.

После, я долго не могла заснуть. Я скрючилась на кровати, ощущая, как тревога раздирает мое тело и душу на части. Я боялась, что когда-нибудь придет время, и мне нужно будет вот так прощаться со своей мамой. Сердце тут же больно закололо – я любила маму и сама мысль о том, что это ждет нас в будущем, вызывала парализующий страх у меня. Снова

послышались вымученные стоны – я уткнулась лицом в подушку, чувствуя, как глаза защипало, и вскоре слезы полились из них, оставляя горечь в моем горле и груди. Господи, я ничем не могла помочь своей бабушке, своей маме. Стоны усиливались, как и мамины шептания. Затем, стало тихо – видимо, бабушка заснула. Хлопнула дверь – послышался мамин шепот, полный горечи и слов отчаяния.

Я сжала веки, силясь совладать с противоречивыми чувствами – я хотела, чтобы бабушка жила, и я хотела, чтобы эти страдания закончились. Я зашептала молитву, тихо плача и ощущая отчаяние и запах смерти – пробирающий до дрожи, до ледяных мурашек. Я, напуганная, подтянула одеяло до самого носа и заснула.

Я проснулась от странного чувства, которое легло мне тяжелым грузом на грудь. Было уже утро, и я, мучаясь от догадок, медленно и тихо вышла из комнаты, направляясь к бабушке. Мама столкнулась со мной в коридоре. Она, глянув на меня покрасневшими глазами, молча пошла к бабушке со стаканом воды. Я прижалась к стене, спиной, облегченно выдыхая. Она была жива.

Но мамин плач, переходящий в рыдание, сообщил мне об обратном.

– Я только ушла за водой, – сокрушенным голосом сказала мне мама, выходя из комнаты. На миг я увидела в ней, всегда сильной и решительной, маленькую, потерянную девочку. Я обняла ее, и мы обе зарыдали.

Бедой пришла одна – в тот же вечер умер мамин брат от инсульта. Казалось, горе окружило нашу семью со всех сторон. Эти дни я помнила плохо – многое я делала, будучи уже на автомате, я была помощницей матери – старшая сестра, занятая маленьким сыном, не могла приехать. Конечно, я не единственная, кто помогал в таком деле, но все же, как на дочери, многое было на мне. Два дня я делала все, что было нужно: бегала за продуктами для поминок, готовила, мыла посуду, полы, убирала, встречала-проводила. Праздничные дни по случаю восьмого марта стали для меня изматывающим состязанием. Но я рада была быть занятой, гораздо хуже я ощущала себя в воскресенье, сидя в непривычно тихой квартире. Бабушкина голоса больше не было слышно. Я больше не смогу принести ей стакан воды, дотронуться до ее тонкой руки, уловить взгляд ее блекло-зеленых глаз. Я осознала это только теперь. Из моих глаз хлынули горячие потоки слез. Я прощалась с ней сейчас – когда ее тело уже лежало в холодной земле.

Я не помню, сколько так проплакала – меня привел в чувства грустный мамин голос – она просила сходить к тете Ане, взять у нее какие-то квитанции. Я накинула на себя фланелевый халат, который прикрывал мои колени, и вышла из квартиры. Запах сигаретного дыма и уличной прохлады ударил мне в нос. Я торопливо стала спускаться по лестнице. Тетя Аня жила этажом ниже. Как обычно, дверь у нее была не заперта – у нее всегда были гости из-за ее маленького бизне-

са – самогоноварения.

Я шагнула внутрь: в нос мне ударил запах спирта. Я не стала говорить лишнего, и, забрав квитанции, отправилась к выходу. Уже на лестничной клетке я столкнулась с родственником тети Ани – племянником Антоном. Он был взрослым мужчиной, имел неприятное, пропитанное похотью, широкое, как сковорода, лицо и липкие руки. Антон преградил мне путь, взирая на меня с усмешкой. На лестничной клетке никого, кроме нас не было, а с тетиной квартиры доносился громкий звук включенного телевизора. Я попыталась проскользнуть мимо моего некровного родственника, однако тот ухватил меня за плечи, не позволяя сделать и шага. Его противные руки, и вонючий запах, исходящий от тела, заставили меня содрогнуться от отвращения.

– Пусти, – произнесла я, силясь не расплакаться, но знала – я была на грани. Еще никто не хватал меня, единственное, что раньше позволяли себе мужчины – пошлые взгляды, сальные улыбочки и замечания по поводу моих бесконечно длинных ног.

Антон ответил мне хохотом. Я дернулась, повторяя:

– Немедленно убери от меня руки!

– Сладкая девочка, давно хотел тебя попробовать, – приглушенно сообщил он мне, и тут, о, Боже, послышался шум – из соседней двери вышел сосед – местный алкаш, одноглазый дядя Валера, но как я рада была видеть его!

– Пусти девчонку! – рявкнул он, и Антон почему – то по-

слушался его. Он убрал руки, и я, как ошпаренная, помчалась на свой этаж.

Заперев дверь на все два замка, я прижалась к ней, на миг, спиной, чтобы успокоиться. Понимая, что мама может застать меня в таком состоянии, я дошла до ванны и закрылась там. Мои руки тряслись, когда я ополаскивала лицо прохладной водой. Я глянула на свое отражение – я была очень бледная и невероятно напуганная. В моих глазах был страх. Из-за этого уroda. Злость всколыхнулась во мне. Я не должна молчать. Если я промолчу – Антон решит, что можно повторять свои наглые приставания ко мне.

Я вышла на кухню с твердым решением обо всем рассказать маме. Но стоило только мне увидеть ее измученное, осунувшееся лицо и потухший взгляд покрасневших глаз, как моя решимость стала покидать меня. Она окончательно ушла, когда я услышала мамин голос, обращенный ко мне:

– Как я устала, Камила. Сердце что-то прихватило. Накапай мне валерьянки.

Я рванула к холодильнику и, отсчитав положенное число капель, протянула маме ложку с неприятно пахнущим лекарством и стакан с водой. Тут же в памяти всплыло, как совсем недавно я протягивала воду для бабушки. Я испугалась за маму. И поняла – не нужно ее тревожить тем, что произошло на лестничной клетке. Возможно, это больше не повторится. В любом случае это не стоило маминых переживаний. Она и так выглядела ужасно. Я не хотела добавлять ей стра-

дания своим признанием.

Мама ушла спать, а я, сев за кухонный стол, устремила взор в окно – там было темно, тоскливо и дождливо. Как и на моей душе. Я обхватила лоб все еще дрожащими пальцами, размышляя. Будь у меня отец, он заступился бы за меня. Имей я старшего брата, я бы обратилась к нему в поисках защиты. Но у меня не было – ни того, ни другого. Я горестно вздохнула, приходя к последней мысли о том, будь у меня парень – достойный, сильный, то мне было бы значительно спокойней. Но правда состояла в том, что я была одинока, и некому из мужчин было защитить меня. Разве только дяде Валере – усмехнулась я. Одиночество было моим верным спутником. Не было у меня того, кто стал бы моей опорой, каменной стеной. Я сомневалась, что такие мужчины вообще существуют – пример нашей семьи говорил о том, что не стоит на них рассчитывать. И все равно, где-то, в глубине души, теплилась томительная, противоречащая всем доводам рассудка, надежда, что однажды в моей жизни появится прекрасный принц. Я все еще была неисправимым романтиком.

Последующие две недели были полны будничных забот – школа, уроки, подготовка к экзаменам, пробные ЕГЭ, домашние дела. Я очень уставала – уходила в семь, приходила после четырех – пяти дня – выжатая, как лимон и тоскливо поглядывала на книги Толкиена, понимая, что еще не время их читать. С мамой мы успевали перекинуться словами

лишь за завтраком, и перед сном – за чашкой чая. У нее начались какие-то проверки на работе, и она полностью была занята ими – и, судя по ее лицу, мама была рада полностью погрузиться в дела, чтобы развеять скорбь и боль утраты.

Катя и Настя, как и я, были заняты учебой, и все, что мы успевали – пообщаться на переменах и в столовой, в очереди за сахарной булочкой. Они поддерживали меня, как могли – Катя пыталась отвлечь, рассказывая о своем очередном поклоннике и ультрамодной помаде, а у Насти всегда имелось доброе слово и теплый взгляд для меня, и я испытывала искреннюю благодарность к ним. В остальном – все наши силы были брошены на успешную подготовку к выпускным экзаменам. Мы не имели права разбрасываться своим временем. Давление учителей с каждым днем становилось на нас все ощутимее, впрочем, как и родственников – сдать ЕГЭ считалось самой важной миссией, провал которой молчаливо приравнивался к провалу всей жизни. Я была благодарна своей маме, что она не читала мне нотаций, но, в силу своего учительского характера, она все же, давила на меня, сама того не осознавая.

В конце концов, мой организм оплатил мне за длительное стрессовое состояние – прямо в последний день перед весенними каникулами, уже на шестом уроке, я поняла, что заболела.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я вышла, чуть пошатываясь, из школы. Мои подруги шли рядом, бросая на меня сочувственные взгляды. Я послала им слабую улыбку, поплотнее кутаясь в свою тонкую, весеннюю курточку. Мое тело дрожало от болезни. Пасмурная погода тепла не прибавляла, а мне так хотелось согреться. Наверняка, моя температура была 37,2 – самое противное состояние.

– Мы тебя проводим, – решительным тоном заявила Настя, подхватывая меня за локоть с одной стороны, а Катя – с другой.

– А то упадешь где-нибудь еще, – добавила она.

– Только до аптеки, – сдалась я, мысленно подсчитывая, хватит ли моей мелочи на парацетамол и аскорбинку. Вроде, должно было хватить.

Подруги промолчали, и вместе мы, «святая троица», направились пешком. Воздух был такой желанный, вкусный – он пах приближающимся теплом, сыростью и какой-то безбашенной свободой. Я удивилась такому слову, ведь «безбашенность» это точно не ко мне, наверное, все это – из-за температуры и долгожданных весенних каникул.

Пока мы шли, я неожиданно почувствовала себя лучше. Видимо, приток воздуха был жизненно необходим моему уставшему организму. Меня почти перестало штормить, и я каким-то чудесным образом, не желая быть обузой для по-

друг, смогла убедить их, что сама смогу благополучно добраться до дома – мне оставалось-то всего половина пути. Катя и Настя согласились и, попрощавшись со мной, пошли на свою остановку – они жили в противоположной стороне.

Я же, спокойным шагом, наслаждаясь внезапным улучшением своего состояния, направилась в сторону аптеки. Мое настроение стало стремительно улучшаться, когда я вспомнила, что впереди – 8 дней каникул. Если я грамотно пролежусь за два дня, то оставшиеся шесть будут полны весенних прогулок. Я очень рассчитывала, что всю неделю будет солнышко – по крайней мере, утром, по телевизору снова говорили, что нас ждет теплая, солнечная весна. Если, все же, мне предстояло болеть, это не вызывало во мне отчаяния – в этом случае я планировала начать читать «Властелин колец».

Наконец, показалась аптека. Ее мигающая вывеска казалась непривычно яркой на фоне пасмурной, но не дождливой погоды. Серые тучи повисли недвижимым покрывалом над крышами домов, скрывая солнце. Я медленно поднялась по ступенькам и зашла внутрь. Нос тут же защекотало от запаха лекарств. Окинув взглядом небольшое помещение, я отметила, что обе кассы заняты. Я подошла к дальней. Стоящая передо мной старушка в платке, на котором были нарисованы розовые пионы, надушенная фиалковыми духами, всколыхнула во мне воспоминания о моей собственной бабушке. Глаза тут же защипало от подступивших слез. Я ча-

сто-часто заморгала и, пытаясь переключить свое внимание на что-то нейтральное, стала изучать лекарства. Я тут же стала запоминать их названия. Мне говорили, что с такой памятью на медицинские препараты, как у меня, мне нужно стать врачом или фармацевтом. Но это было невозможно – я боялась вида крови, и была неспособна в химии и биологии.

Стоящая передо мной бабушка начала медленно оглашать свой список, она путалась, сбивалась, из-за своих слезящихся, старых глаз, которые нуждались в очках, видимо, забытых дома. Фармацевт – молодая женщина с гладкими, светлыми волосами, раздраженно вздыхала, нетерпеливо постукивая длинными, накрашенными ногтями по стеклу с лекарствами. Я не понимала такого высокомерия – все мы, если доживем, когда-нибудь будем старыми и, скорее всего не столь здоровыми, как в молодости. И раздражаться на пожилого человека – было подобно тому, что испытывать такое чувство к грудному ребенку, не умеющему говорить и читать. Глупо, несправедливо. Я подошла к бабушке и предложила ей свою помощь. Та, окинув меня благодарным взглядом, передала в мои руки рецепт от кардиолога. Я начала озвучивать лекарства, и фармацевт принялась извлекать препараты. Наконец, дело было завершено. Бабушка, расплатившись, медленно побрела к двери. Я собралась было озвучить свой заказ светловолосой девушке, но та демонстративно не замечая меня, отошла в соседнее помещение.

Так и стояла я – у пустой кассы. Вторая все еще была занята. Мне было не по себе – создавалось впечатление, что я просто не существую. Я, желая занять и отвлечь себя от таких дурацких мыслей, в очередной раз прошлась по названиям лекарств, а затем устремила свой взор на окно и замерла. Прямо напротив, внизу, только что припарковался черный, тонированный мерседес.

Первая моя мысль была – ринуться к двери и убежать. Я нахмурилась – я рассуждала, как маленькая девочка. Да мало ли, сколько мерседесов в нашем городе? И почему я решила, что владелец этого авто заглянет именно сюда, в аптеку? Такие люди, вероятно, имели личных врачей, которые приезжали к ним на дом уже с лекарствами. А я-то напридумывала себе! Трусиха, какой была, такой и осталась. Я отвернулась от окна и, как раз, к кассе вернулась фармацевт.

– Парацетамол и аскорбиновую кислоту, – произнесла я максимально ровным голосом.

– Аскорбиновая кислота – в ампулах, таблетках, драже? – с вызовом глядя на меня, спросила молодая женщина. Интересно, на что именно она так заделась – неужели за мою помощь той старушке?

– Драже, – ответила я.

И тут дверь позади меня, у входа, хлопнула. Хлопнуло и мое сердце. Тревожно, обреченно. Мой нос уловил дорогой мужской парфюм, смешанный с ароматом опасности. Я на миг сжала пальцы, прежде чем положить деньги за лекар-

ство на кассу.

Я уже складывала все в сумку, когда услышала глубокий, мужской голос:

– Шприцы, адреналин, бинты, перекись водорода.

– Мы не продаем адреналин без рецепта, – начала было неуверенным тоном фармацевт, однако покупатель оборвал ее на полуслове:

– Сейчас продадите.

Фармацевт ринулась выполнять приказ, доставая из шкафчиков, закрытых на ключ, ампулы адреналина. Сквозь стекло я заметила, каким напряженным было ее лицо.

Я чуть отошла от кассы и начала медленно поворачивать голову в сторону незнакомца. В глаза тут же бросилась его фигура, выразившая еле сдерживаемое нетерпение. У него были темные волосы, смуглое лицо и обаяние хищника, которое я успела уловить, когда мужчина, видимо, ощутив мой взгляд на себе, оглянулся и посмотрел прямо на меня. Его глаза – непонятного сейчас цвета, вспыхнули, затем вновь стали относительно спокойными. Он смотрел пару секунд, затем, губы мужчины изогнулись в какой-то странной, вызывающей мурашки по моему телу, улыбке. Затем, незнакомец отвернулся – фармацевт как раз принесла, все, что он требовал.

Когда я почти побежала по ступенькам, я, наконец, поняла, что значила эта улыбка. Она означала «ты – моя». Меня

затошнило-затрясло от этой шальной мысли. Я, нервно оглянувшись пару раз, назад, поспешила вперед, желая скрыться за поворотом от чужих глаз. Каждый шаг отдавался ударом в моей голове. Кровь стучала в моих ушах – явный признак страха.

Лишь только завернув за угол, я почувствовала себя в относительной безопасности. Я еще больше ускорила шаг, когда поняла, что мое плохое самочувствие начало вновь возвращаться ко мне. Мне нужно было как можно скорее оказаться дома. Не хватало еще свалиться где-нибудь, что со мной никогда еще не случалось. Нет, я бывала в предобморочном состоянии, но сознание еще ни разу не теряла – не собралась делать этого и сегодня.

Я, немного взяв себя в руки, чуть сбавила ход – к тому же, до дома оставалось всего – ничего – перейти небольшую дорожку и пересечь двор с песочницами. Лавируя между лужичками, я приблизилась к дороге, и внезапно, что-то заставило меня обернуться. И моим глазам предстал мерседес, ехавший слева, чуть позади от меня. Автомобиль явно не торопился и придерживался минимального скоростного режима, он почти катился, выслеживая. Кого? Неужели меня?

Я резко отвернулась, и до моих ушей дошел мягкий звук открывающейся – закрывающейся двери машины. Мерседес обогнал меня, на приличной скорости устремляясь вперед, все дальше и дальше, вскоре, скрываясь среди потока ма-

шин. Но я знала – позади меня шел охотник. А я была дичью – по крайней мере, именно так я ощущала себя в эти минуты. Боясь встретиться с правдой лицом, я не стала оборачиваться и, торопливо перейдя дорогу, оказалась во дворе своего дома. Еще немного, еще чуть-чуть.

Но тут до меня дошло. Если я окажусь в подъезде наедине с преследующим меня мужчиной, вряд ли у меня будет шанс спастись. Не секрет, что большинство изнасилований происходило в подъездах дома. Сейчас, наверняка, многие жильцы были на работе. Ну а бабушки-одуванчики – не самые лучшие защитники. Поэтому, я решила, что находиться на улице, в относительно многолюдном дворе – намного безопаснее.

Я окончательно сбавила ход и, обнаружив скамейку, поверхность которой выглядела сухой, устало опустилась на нее, повернувшись лицом к проходящим мимо людям. Я обхватила свою сумку крепко-крепко, будто у меня там лежали несметные сокровища, и словно она была в состоянии меня защитить. Наивно, глупо, безнадежно.

Страх подкатил ко мне, и я уперлась взглядом в свои сапожки на каблуках – на них налипла грязь и кусочки прошлогодней листвы. Послышались шаги, каждый из них заставил мое сердце сжаться, а затем, ненормально быстро застучать.

«Пусть пройдет мимо. Пусть я ошиблась. Пусть я все это выдумала», – мысленно шептала я.

Но, невзирая на мой шепот, шаги замедлились. И мой взгляд увидел мужские, чуть остроносые, элегантные туфли. Костяшки моих пальцев побелели от моей усилившейся хватки на сумке. Я шумно сглотнула, тот час, ощущая слабую боль в горле. Я замерла, ожидая.

Мужчина сел рядом со мной, окутывая меня ароматом своего дорогого парфюма. Я покосилась на незнакомца, замечая, что он с полуулыбкой на смуглом, небритом лице, наблюдает за мной. Я была в шоке от такой откровенной наглости. Как он смеет? На место страха, внезапно, пришла решительность.

– Что вам нужно? – сорвалось с моих губ. Я, нахмурившись, осмелилась посмотреть прямо на мужчину. Ему было около тридцати, его лицо не имело ничего схожего со словами «юношеская привлекательность». Прямой, чуть широковатый нос, каре-зеленые глаза, черные, густые брови, густая щетина и невероятно, удивительно красивые, полные губы, которые слегка смягчали образ незнакомца, правда, намекая на его порочную сущность. Боже, да это самый что ни на есть «плохой парень», хотя интуитивно я ощутила – такое сравнение слишком слабое для этого мужчины.

– Пообщаться, – невозмутимо ответил незнакомец. Он чуть подался вперед, соединяя пальцы своих рук меж собой. Я скользнула по ним взглядом и не обнаружила обручального кольца или полоски незагорелой кожи на безымянном пальце. Зато я заметила, что костяшки пальцев были разби-

тыми, словно сидящий рядом мужчина совсем недавно избивал боксерскую грушу... Или человека?

– Вы, видимо, ошиблись, – произнесла я, пытаюсь не впасть в панику. Общение? Что он подразумевал под словом общение?

– Это наша третья встреча, поэтому ошибки быть не может, – раздался властный голос, и самоуверенная улыбка чуть изогнула чувственные губы мужчины. Боже, он улыбался... как он улыбался!!!

– Что-что? – переспросила я, хмурясь.

– В аптеке, на остановке и у входа в дом культуры. Кстати, ты тогда так же прижимала свою сумку. У тебя там что-то важное? То, с чем ты там не в силах расстаться? – тон незнакомца был насмешливым, но не злобным.

У меня перехватило дыхание. Так вот оно что!

– Там у меня учебники и дневник. Я – ученица, – отчего-то вздернув подбородок, словно я сообщала мужчине, что супергероиня, произнесла я.

– Это поправимо, – улыбнувшись чуть шире, сообщил (или пообещал?!) он.

Я снова умолкла, глядя широко распахнутыми глазами на улыбающееся лицо незнакомца. Именно таких мужчин я всегда опасалась. Красивых, властных, в глазах, которых плясал такой огонь, который способен был спалить всех и вся. И вот она, ирония судьбы – именно он сидит сейчас рядом со мной.

– Мне нужно идти, – произнесла я, пытаюсь встать и внутренне молясь, чтобы незнакомец не последовал за мной. Нужно было бежать от него. Я резко встала. Но мужчина тоже поднялся на ноги – теперь я поняла, что мы с ним почти одинакового роста.

– Я провожу, – сказал он, и я после этих слов плюхнулась на место, на скамейку, судорожно размышляя, как мне быть.

– Что вам нужно? – вновь повторила я.

– Пообщаться, – следом повторил мужчина.

– Зачем? – осмелилась я поинтересоваться.

– Захотел, – пожав широкими плечами, укрытыми в кожаной куртке, ответил незнакомец.

– Как все просто, – усмехнулась я, ощущая, как меня начало трясти – от страха и поднимающейся температуры. Домой, срочно домой.

– А зачем что-то усложнять? – выразительно изогнув черную бровь, спросил мужчина.

Я покачала головой, глядя на него взглядом, полным непонимания.

– Да, усложнять незачем. Скажу, как есть – я не подхожу для общения, тем более для такого взрослого мужчины, как вы.

Уф, неужели я смогла сказать? молодец, Камила!

– Мне 26, – мужчина чуть подался вперед, одаривая меня хищнической улыбкой, словно он признался, что скоро подчинит себе весь мир.

– А мне – 17, и между нами ничего не может быть. Найдите себе компанию по возрасту, – сорвалось с моих губ, и я заметила, как мужчина, сперва, нахмурился, а потом рассмеялся.

– Ты считаешь меня старым? – наконец, спросил он, приближая ко мне свое лицо, и в глазах вспыхнули предостерегающий огоньки.

– Не старым, – дипломатично начала я, – а зрелым. Таким, как вы, нужны женщины вашего возраста, ну или старше. Я не подхожу для таких игр. Я вообще не подхожу для игр.

– Все-то ты знаешь, – незнакомец откинулся на спинку скамейки, продолжая наблюдать за мной. Его взгляд прошелся по моему лицу: глаза, нос, задержался на губах, затем, вновь вернулся к моим глазам.

– Завтра в пять, здесь, – произнес мужчина.

Он что, назначил мне свидание?

– Я не могу, – испуганно произнесла я, отмечая, как недовольно он нахмурил брови, – я заболела. В аптеке купила парацетамол и витаминки. Не хотелось бы, проболеть все каникулы.

Господи, зачем я ему это рассказываю?! Как мне остановить в себе эту «душу нараспашку»?

– Сегодня пятница. Тогда в понедельник, в пять на этом месте, – мужчина поднялся на ноги, и я следом тоже. Он окинул меня выжидающим взглядом, и с моих губ сорвалось:

– Хорошо, я приду.

Удовлетворенная улыбка изогнула его губы. Признаться, его улыбка была невероятно красивая. Чисто мужская, завораживающая. Ох, температура, что ты делаешь со мной? Я уже сделала шаг в направлении своего дома, как услышала позади себя:

– Меня зовут Тимур.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я натянула до подбородка шерстяное, такое колючее одеяло, и отхлебнула чай. Именно отхлебнула. У меня не было сил и желания пить его, как леди – беззвучно и маленькими глоточками. Только что у меня понизилась температура, и я ощущала себя слабой. Сегодня была суббота – вернее, ее утро. Часы на стене показывали десять.

Я откинулась на подушку и перелистнула страницу книги. Наконец-то я добралась до «Властелина колец». Но, как нарочно, у меня пропало вдохновение читать его. То ли неудачный перевод, то ли витиеватый текст не позволял мне наслаждаться чтением, то ли мысли о прошедшей и будущей встрече с Тимуром.

Тимур.

Непривычное имя в наше время. Татарское. Уж я-то, наполовину татарка, в именах могла разобраться. Не в языке, конечно. А у многих, наверное, имя Тимур ассоциировалось с «Тимуром и его командой». Но это была совершенно другая история.

Я отложила книгу в сторону, устало закрывая глаза. Затем, снова принялась пить чай – он был очень вкусный – черный, с лимоном и сахаром. Самое то, когда болеешь. На кухне что-то готовилось – это мама творила нам покушать. Хотелось бы, конечно же, что-нибудь вкусенького, но я была

рада любой ее готовке. Послышалась трель – кто-то позвонил в дверь. Затем раздались – приглушенный, незнакомый голос и удивленный – мамин. После – звук закрывающейся двери и шаги мамы.

– Представляешь, – начала она, заходя в мою комнату, и держа в правой руке красивый, большой пакет с нарисованными на нем воздушными шариками, – приходил молодой человек, представился курьером, передал это мне – для тебя. Сказал от друзей.

Она раскрыла пакет и начала доставать оттуда содержимое, ставя его прямо на мой маленький столик. Апельсины, бананы, гроздь винограда, от вида которого у меня потекли слюнки, пачка какого-то элитного чая и дорогой молочный шоколад.

У меня округлились глаза. Это стоило недешево. Мама вопросительно посмотрела на меня, а я не знала, что ей ответить.

– Хорошие у тебя друзья, Мила, – наконец, выдала она, улыбаясь и забирая фрукты, – пойду, вымою и принесу. Тебе витамины нужны.

Как только она ушла, я сокрушенно выдохнула. Только один человек мог позволить себе такую дерзкую заботу. Тимур. Я напрягла лоб, поймав себя на слове «забота». Мне стало так тепло от этого, что когда мама вернулась с фруктами, я глупо улыбалась ей. Она понимающе улыбнулась в ответ, но не стала допытываться, чему я была несказанно рада.

Я не знаю, что так благотворно повлияло на мое здоровье – невероятно вкусные фрукты, мамина забота или отдых, а может, все вместе взятое, но к вечеру воскресенья я чувствовала себя абсолютно здоровой. Но не спокойной точно. Я была невероятно напряжена, понимая, что до встречи с Тимуром у меня оставалось меньше суток. Я ходила по комнате, ощущая себя в невидимой, но такой осязаемой клетке. Я представляла в своей голове разные, страшные вещи, которые могли со мной случиться уже завтра. Я выдумывала планы спасения, куда бежать, что делать и как разговаривать. У меня даже появилась мысль сказать о встрече с Тимуром маме, но я тут же, отогнала ее. Я не хотела подвергать маму какой-либо опасности.

Наконец, устав от этих гнетущих мыслей, я легла спать. Я заснула крепким, удивительно спокойным сном под шум мелкого, весеннего дождя.

Утро понедельника оказалось невероятно солнечным. Я слезла с кровати и прошлепала до окна, не в силах отвести свой взор от такого красивого, пронзительно – голубого неба, на котором не было ни одного облачка. Настойчивые лучи солнца уже растопили остатки снега во дворе и подсушили почти все лужи. Мне невероятно сильно захотелось выйти на прогулку. Но я не решилась высовываться из квартиры до вечера.

Я была одна целое утро, не зная, чем отвлечь себя, принялась пылесосить, громко распевая песни, потом, в обед,

позвонила мама и предупредила меня, что она поедет в университет – поздравлять подругу с юбилеем. Признаться, я была даже рада, что мы с ней сегодня не увидимся, иначе бы моя нервозность вызвала у нее явные подозрения.

Время тянулось медленно, но неумолимо приближалось к вечеру. Я придирчиво подошла к выбору одежды для встречи с Тимуром. Моя цель была сегодня – одеться так, чтобы я выглядела непривлекательно, и выбрать такую одежду, в которой мне было бы удобно бежать. Я понимала, что все это глупо и по-детски, но не могла по-другому. Итак, из всего скромного «разнообразия» одежды, мой выбор пал на прямые джинсы, теплый свитер с горлом и кроссовки.

Я собрала свои волосы в тугой, низкий хвост, и совсем отказалась от декоративной косметики на этот вечер (впрочем, это была не редкость для меня), лишь нанесла на губы гигиеническую помаду со вкусом клубники – и то, потому что кожа на них была очень сухая. Мои руки чуть подрагивали от страха, когда я застегивала замок куртки. Глянув на свое отражение в зеркале, что висело в прихожей, я встретила со своим обеспокоенным взглядом. Кажется, даже мои глаза стали больше от страха. Куда я иду? Чем все это закончится? Я зажмурила глаза, пытаясь уравновесить свои мысли и чувства. Открыв их, я посмотрела на настенные часы – было без пяти минут пять. Пора. Я не хотела опаздывать даже сейчас.

Сердце мое бешено выпрыгивало из груди, когда я трясущимися руками запирала входную дверь. Я начала медлен-

но спускаться по ступенькам. Ноги показались мне слабыми и крайне неумелыми. Боже мой, я шла, как на расстрел. Наконец, я потянула на себя дверь из подъезда. Теплый ветер, наполненный солнцем, ласково прошелся по моему лицу. Я глубоко вздохнула, наслаждаясь его ароматом и одновременно собираясь с силами.

Выдохнув, я довольно решительно сделала шаг вперед. Сидящие на лавочке, возле подъезда, бабушки, после моего приветствия, с интересом проследили, куда я направляюсь. Ну, все, скоро весь дом будет знать, что я пошла на встречу с мужчиной, что был старше меня почти на десять лет. Но, быть может, он и не пришел – и все это было его шуткой?

Но стоило только мне бросить один-единственный взгляд вдаль, где стояла та самая скамейка, как я получила ответ. Тимур ждал меня. Его взгляд неотступно следил за мной, как только я открыла подъездную дверь и сделала свой первый шаг на встречу к нему.

Я подавила в себе рвущийся наружу страх. Довольно быстрым шагом я пересекла двор, при этом умудрившись встать левой ногой в маленькую лужицу. О да, я была «само изящество». Продолжая ощущать на себе взгляд хищника, я, наконец, подошла к мужчине, сидевшему на скамейке.

Я остановилась, не зная, сесть ли мне рядом с ним или...? Тимур поднялся на ноги, окидывая меня задумчивым взглядом. Мягкие лучи солнца осветили его жесткое лицо, волевой подбородок, темную щетину. Тимур был одет в кожа-

ную куртку, которая подчеркивала его широкие плечи и темные джинсы. Все темное, как и он сам. Этот мужчина выглядел таким чужим, устрашающим, человеком из другого мира. Что я делаю рядом с ним?

– Привет, – послышался глубокий, мужской голос. Уже один лишь голос его слышался как соблазнение и предупреждение об опасности. Я сглотнула и выдавила из себя:

– Привет.

Полные губы Тимура дрогнули в легкой усмешке. Его глаза изучающее смотрели на мое лицо, вероятно, на котором застыл испуг. А что он хотел? Увидеть щенячий восторг? Мне ведь и, правда, было страшно.

– Пойдем, – ровным голосом предложил Тимур. Предложил так, словно мы были знакомы всю жизнь. Мое сердце часто-часто застучало, мешая мне полноценно дышать.

– В машину не сяду, – довольно резко ответил я, сжимая пальцы, спрятанные в карманах куртки.

Тимур приподнял черные брови, говоря:

– А ты видишь здесь мою машину?

Я посмотрела на дорогу – действительно, черного мерседеса здесь не было видно.

– Нет, – заливаясь краской, ответила я. Мне стало почему-то неловко.

– Тогда пойдем, – повторил Тимур, делая уверенные шаги в сторону соседнего двора, и все, что оставалось мне – последовать за ним.

Мы некоторое время шли молча, затем, когда миновали двор и подошли к аллее, мой спутник задал мне вопрос:

– Как твое здоровье, Камила?

Мои щеки защипали от очередной волны смущения. Это был всего лишь вопрос про мое здоровье, а мне чувствовалось так, словно Тимур спросил у меня про регулярность моего менструального цикла. А еще он знал мое имя.

– Спасибо, хорошо, – я повернула к нему лицо, и он посмотрел прямо на меня, – и спасибо за вкусный подарок.

Мужчина чуть улыбнулся и кивнул головой, а затем добавил:

– Это – всего лишь гостинец для приболевшей девушки.

– Он меня к чему-то обязывает? – сорвалось с моих губ. Боже, я была очень честной, но нечасто говорила то, о чем думала. Зато сейчас разговорилась. Вероятно, женская хитрость еще не посетила меня.

Тимур чуть сощурил глаза, впиваясь взглядом в мое лицо. Я несколько раз моргнула, желая скинуть с себя этот властный магнетизм.

– Нет, – произнес он.

Я промолчала, лишь облегченно вздохнула – и заметила, как шедший рядом со мной мужчина усмехнулся. На аллее было ветрено, и я поежилась. Внезапно, Тимур резко остановился и, протянув руку вперед, накинул на мою голову капюшон. Его движения были медленными, почти аккуратными. Я удивилась такому жесту и, глядя прямо в задумчивые

глаза мужчины, задала ему вопрос:

– Почему?

И я спрашивала не про капюшон – и Тимур понял меня. Он опустил руку на мою щеку. Его шершавая, необычайно теплая ладонь, источала ласку и жар. Его кожа пахла мускусом и чем-то горько-сладким.

– Понравилась, – просто, без витиеватых слов и полунамеков ответил Тимур.

У меня перехватило дыхание от его слов. Я смотрела на него – потрясенная, неуверенная, непонимающая, какую игру со мной затеял этот мужчина.

– Идем, у меня не так много времени, – добавил он, и мы пошли по аллее.

Я никогда не гуляла вот так – со взрослым мужчиной. Прогулка с мальчиком, что был старше меня на год – не в счет. Я шла, не зная, что сказать, что думать после услышанного. Сама мысль, что я могу понравиться взрослому мужчине казалась мне бредовой. Ну не было у меня копны светлых волос, голубых глаз, четвертого размера груди, точеной талии и походки от бедра. Разве такие, как Тимур, не гламурных девушек предпочитают?

– Куда мы идем? – наконец, осмелилась поинтересоваться я, когда мы почти дошли до конца аллеи, к дороге.

Мужчина посмотрел куда-то вдаль, размышляя о чем-то. Я стояла спиной к дороге и резко обернулась, увидев, как на обочину припарковался черный мерседес. Страх пронзил

меня с головы до ног. Сейчас меня утащат в машину, а потом пиши – пропала.

Видимо, ужас отразился на моем лице, потому что Тимур обратился ко мне:

– Не беспокойся, я не собираюсь тебя воровать.

Я чуть расслабилась от этого обещания, и мужчина тут же добавил:

– Пока что.

Я покачала головой, выказывая этим свое замешательство.

Тимур опустился на скамейку, и я села рядом, то и дело, поглядывая на черный мерседес.

– Куда будешь поступать? – тоже глядя на автомобиль, спросил Тимур.

– Если получится, я бы очень хотела на исторический, – начала я, – но, боюсь, я могу не попасть на бюджетный, слишком много желающих.

– Уверен, ты поступишь, – повернувшись ко мне, сообщил мужчина.

Я пожала плечами:

– Если не получится, то пойду туда, где попроще.

– Ты поступишь на исторический, – с нажимом, произнес Тимур. В его словах было обещание. Мне стало не по себе, и я попыталась взять инициативу в разговоре в свои руки.

– А чем занимаешься ты? – спросила я.

Усмешка изогнула губы мужчины.

– Разными делами, – многозначительно ответил Тимур, – которые, нередко, требуют моего присутствия.

Я прикусила нижнюю губу, осмысливая услышанное, и теряясь в догадках и предположениях.

– Ты – бандит? – сорвалось с моих губ и я, на миг, сжала веки, поражаясь собственной глупости и беспечности.

Тимур глухо рассмеялся. Я вся напряглась от его смеха – в нем улавливался холод и предостережение.

– Ты мне все больше и больше нравишься, – произнес мужчина, подаваясь вперед так, что расстояние между нашими лицами стало неощутимым.

Я затрепетала, уловив его щекочущее дыхание у себя на щеке. Глаза Тимура, на моргая, смотрели прямо на меня, но я чувствовала, он заглянул куда глубже – в мою душу. Я пораженно выдохнула, будто только что меня обнажили.

– Такая честная, такая нежная, – прошептала мужчина, и взгляд его сместился на мои губы. Я тут же ощутила, как меня накрыло горячей волной. Ни один ответ не шел мне на ум. Я замерла, ожидая. Чего? Сама не знала.

Тимур еще ближе наклонил ко мне свое лицо и спросил:

– Скажи мне, честная девочка, я тебе нравлюсь?

Я сглотнула. Этот вопрос застал меня врасплох.

– Я-я, не знаю, – промямлила я, взволнованно глядя в магнетические глаза мужчины. Сердце часто-часто застучало. Боже мой, что происходит со мной?

– Твои зрачки расширились, твои щеки горят от румянца,

а дыхание стало неровным, и я готов поклясться, что и твой пульс, – Тимур аккуратно извлек мою левую руку из кармана куртки и нащупал пульс, и удовлетворенная улыбка изогнула губы мужчины, – и твой пульс участился. Это значит, что я направляюсь тебе.

Я пораженно смотрела на его сильные, смуглые пальцы на моем светлом запястье. Такой контраст!

– Ты не должен мне нравиться, – призналась я, опуская взор вниз – мне было слишком трудно выдерживать тяжелый, соблазняющий взгляд Тимура. Мне было стыдно, что он так легко раскусил меня и понял мои чувства – на секунды раньше меня самой!

– Нет, не должен, – подтвердил мужчина, продолжая держать меня, только его пальцы теперь начали чертить на моей прохладной ладони линии. От этих простых движений кожа на моей руке стала согреваться и приятно покалывать.

– Тогда нам нужно просто попрощаться – здесь и сейчас, пока не стало слишком поздно, – выдохнула я, поднимая глаза на Тимура. Он чуть сощурил глаза, а затем сказал:

– Я не из тех, кто отступает, – мужчина отпустил мою ладонь и поднял свою руку, вмиг обхватывая меня за плечи – властно, собственнически.

Наши взгляды встретились – его, мрачный, такой взрослый, и мой – напуганный.

– Уже – слишком поздно, – прошептал Тимур, прежде чем его губы впились в мои губы, в самом наглом, захватниче-

ском поцелуе.

У меня перехватило дыхание – таким был этот поцелуй – сильный, властный, без капли сомнений и слабости. Поцелуй настоящего мужчины. Наконец, когда Тимур закончил целовать меня, он чуть отстранился от меня продолжая смотреть в мои глаза.

– И неопытная, клубничка, – произнес он, отчего я тут же вспыхнула. Нет, я не стыдилась своей невинности и неопытности, но то, каким тоном Тимур произнес эти слова... Личным, сокровенным, от этого что-то всколыхнулось во мне. И это сравнение с клубничкой, ах да, это все из-за моей гигиенической помады.

Не успела я что-то сказать, как мужчина, поднявшись на ноги, махнул рукой в сторону черного мерседеса, откуда вышли трое незнакомцев. Все они направились в нашу сторону. Я подскочила на ноги, непонимающе – испуганно глядя на Тимура, но тот лишь улыбнулся мне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я не сводила глаз с приближающихся мужчин – двое из них были темноволосыми и один – со светлыми волосами, они были высокими и выглядели, как бандиты. Широкие плечи, острые, сканирующее пространство, взгляды. Наверняка, под куртками прятались стволы. Доигралась, Камила.

– Не нужно волноваться, – обратился ко мне Тимур, и я, вздрогнув, перевела взгляд на него, шепча:

– Что все это значит? Все будет плохо, да?

Он подавил усмешку и собственнически обнял меня за плечи. Странно, но его объятия сумели успокоить меня. Тимур приглушенно произнес, продолжая наблюдать за мужчинами:

– Они тебя и пальцем не тронут. Я хочу познакомить тебя с друзьями.

– Друзьями? – встрепенулась я.

В этот момент трое незнакомцев подошли к нам. Они молчали, выжидаяще глядя на Тимура. На меня мужчины даже не смотрели. Почему? Совсем скоро я получила ответ.

– Братья, – начала Тимур с ледяной улыбкой на своих губах, – эта девушка, Камила, понравилась мне. Я хотел бы, что бы в мое отсутствие вы за ней приглядывали.

От услышанного, я потеряла дар речи. Эти пугающие меня мужчины должны были за мной приглядывать. В отсут-

ствие Тимура. Что все это значит?!

– Дамир, Рустем, Ильнур, – познакомил меня Тимур со своими братьями. Я постеснялась спросить – кровные они братья, или же братья в бандитском мире? Я вообще не могла ничего сказать – столь ошеломлена я была происходящим.

Светловолосым был Дамир – он глянул на меня всего один раз, затем кивнул головой и перевел свое внимание на Тимура. Рустем был ростом, как Тимур, у него были выющиеся темные волосы и самоуверенная ухмылка – он улыбнулся и отступил на шаг назад. Ильнур имел красивое лицо с тонкими чертами и почти черные, выразительные глаза – он слегка, в шуточном поклоне, склонил голову, переводя взор на Тимура.

– Камила Иванова, – протянул мой... кто? и мой ли? Сказал мужчина, что обнимал меня за плечи.

– Запомнили, – ровным голосом отозвался Рустем.

– Якши, – отозвался Тимур, и в моей голове всплыло перевод с татарского этого слова «хорошо».

Он еще что-то сказал своим братьям на – татарском, значение которых я уже не понимала, и те направились в сторону мерседеса. Тимур отпустил мои плечи, но его рука тут же, нашла мою ладонь, обхватывая ее крепко.

– Сегодня провожу тебя, – произнес мужчина. Его пальцы, источающие хорошо контролируемую силу, волновали меня. Мы начали медленно идти по аллее, на которой стало значительно многолюдней – было уже шесть вечера, и мно-

гие возвращались с работы домой.

Я перевела на спутника задумчивый взгляд.

– Что значит «присматривать»? Я похожа на младенца? – спросила я.

Тимур усмехнулся. Я шла рядом с ним, ощущая невероятную энергию, исходящую от него. Он шел так уверенно, что эта уверенность частично передалась и мне.

– Нет, ты похожа на маленькую девочку, – наконец, выдал мужчина, отчего я тут же нахмурилась, – а мои братья будут присматривать, чтобы тебя не обидели.

Я промолчала, силясь понять услышанное. Три взрослых мужчины будут следить за мной. Весело. Непонятно. Ни одной умной мысли не шло мне на ум. Я просто шла рядом с Тимуром, начиная получать удовольствие от прогулки.

Наконец, мы вернулись к той самой скамейке. Становилось прохладно и начало темнеть. Пора домой. Я чуть притормозила, глядя с тревогой на Тимура. Я не хотела, чтобы он провожал меня до дома. Он вопросительно посмотрел на меня.

– Боюсь, поползут слухи, – честно призналась я, – и я не знаю, хватит ли у меня сил противостоять им.

Мужчина понимающе улыбнулся, отпуская мою ладонь.

– Только сегодня – я соглашусь с тобой, – сообщил мне Тимур, сверкнув глазами.

– Ты ведь куда-то уезжаешь, – вспомнила я, отчего-то ощущая невыразимую тоску на сердце. Неужели я так быст-

ро привязалась к нему? Это ненормально и нездорово.

– Да, – коротко ответил Тимур.

Затем он внимательным взглядом прошелся по моему лицу. Заметив мою тоску, он наклонил ко мне свое лицо, заглядывая в глаза и говоря:

– Я приеду попрощаться, Камила.

Я вздрогнула от его обещания, но не стала ничего говорить ему и уточнять, когда именно Тимур приедет попрощаться. Быть может, к этому времени тот забудет меня? Но что-то внутри подсказывало – это невозможно. «Уже – слишком поздно».

Он, слава Богу, не стал целовать меня на прощание. И я, не теряя ни минуты, поспешила домой. Лишь закрыв дверь в квартире, я поняла, что весь путь до дома улыбалась. Яглянула на свое отражение – глаза лихорадочно блестят, щеки покраснелись, а губы, кажется, припухли от поцелуя Тимура. Я потрясенно смотрела на себя. Боже мой, я почти влюбилась. Глупая девчонка.

Я отпрянула от зеркала, внимательно оглядывая прихожую – нет ли маминой обуви – не пришла ли мама уже домой? Если она увидит меня сейчас в таком состоянии...

Но нет, она еще не была дома. Я спешно разделась и побежала в ванную комнату. Теплый душ должен был меня успокоить. Я стояла под потоками ласковой воды, прокручивая снова и снова мое первое свидание с Тимуром. Его взгляд до сих пор стоял у меня перед глазами. Мои губы все еще

помнили его поцелуй. А ладонь, на которой он чертил своими пальцами линии, горела странной истомой. Я сделала воду посильнее и вылила на себя четверть геля для душа. Нежный кокосовый аромат разнесся по ванной комнате. Я простояла так, под потоками воды, около 15 минут. Наконец, переживания стали покидать меня, а взамен им пришла приятная усталость. К тому моменту, когда мама вернулась, я выглядела абсолютно спокойной. Я расцеловала ее, выпила с ней по чашечке травяного чая, беседуя о торжестве, на котором она была, а затем, зевая, отправилась спать. Стоило только моей голове коснуться подушки, как я тут же погрузилась в сон.

Весенние каникулы закончились, наступил апрель – невероятно теплый, что в первых числах мы все распрощались с весенними куртками и шапками. Я продолжала готовиться к экзаменам, подходя к этому со всей присущей мне ответственностью. До позднего вечера я штудировала книги, свои записи, переписывала все на отдельные листы – так мне легче всего удавалось запомнить, закрепить знания. А еще, это был способ не думать о Тимуре. Но, признаться, это было непросто. Наверное, я была ужасным человеком, раз снова хотела увидеться с ним, раз получала удовольствие, вспоминая о нашем странном свидании. Слишком наивная.

Мои подруги, мои дорогие Настя и Катя не догадывались о моей тайне. Им, вероятно, и в голову не могло прийти,

что я – хорошая девочка, дочка учительницы, подарила свой первый настоящий поцелуй (поцелуй в 14 не в счет) бандиту. Сперва, я хотела рассказать подругам об этом, но затем поняла – не стоит, по ряду причин: слишком лично, слишком опасно для них, и вряд ли они поймут меня. Вряд ли кто-то из них поддержал бы меня, и я понимала их – ведь я ступила на острие ножа, рискуя своей честью и жизнью.

Ну а маме, маме я тем более не стала ничего рассказывать. Я считала себя достаточно взрослой, чтобы отвечать за свои решения. Ведь дело было не только в возрасте, но и в числе испытаний, что выпало на мою душу. Мне было 17, но я знала значительно больше, чем мои сверстники – о потерях, предательстве, о том, как ухаживать за тяжелобольными, знала, что это такое, когда из еды – всего лишь дешевые макароны и репчатый лук, знала, каково это, брать себя в руки, сжимать челюсти от боли и страха, от унижения, от осознания собственной слабости, и при этом иметь мужество не ныть, не скулить, не манипулировать суицидом. Если здесь я была взрослой, то почему бы мне не быть взрослой, не взять ответственность за отношения с Тимуром?

Боже мой, кажется, я стала адвокатом для бандита. Что же я творю?...

Дни потянулись друг за другом, они были так похожи – в будни: школа и подготовка к экзаменам, в выходные: уборка, готовка, снова уроки и штудирование материала. Я уставала от всей этой безумной зубрежки, от этого давления учи-

телей. Все превратилось в одно большое напряжение, и все, что я хотела – скорее сдать этот ненавистный ЕГЭ, забрать аттестат и хотя бы пару недель отдохнуть, не переживая больше о результатах экзамена, о том, справлюсь ли я, смогу ли поступить на исторический. Меня даже перестало волновать, какое будет у меня платье на выпускной. Я слишком устала, чтобы думать об этом.

Прошли майские праздники, было тринадцатое число, когда я отправилась после школы с подругами в городскую библиотеку – как и всегда, экзамены требовали тщательнейшей подготовки. По пути туда я и Настя выслушивали очередную историю Кати, в которой она рассказывала о своем новом парне – тот был ди-джем на местном радио, этакая знаменитость. Удивительно, где моя рыжеволосая подруга самое главное, когда, успевала знакомиться?

– Просто я – магнит для успешных мужчин, – протянула Катя, улыбнувшись своими блестящими от глянцевой помады, губами.

– А как на счет Димы, он, кажется, был всего лишь механиком? – подтрунила Настя, озорно сверкнув глазами.

– Ох, нашла кого вспомнить, – рассмеялась Катя, – и вообще, кто бы говорил, у тебя-то, Настя, был всего один парень, а уж про Камилу молчу, того мальчика даже парнем трудно назвать. Ох, подруженьки, найду вам женихов! Такая красота пропадает!

Девчонки дружно рассмеялись, я лишь сдержанно улыб-

нулась.

— А ты, Камил, какая-то совсем тихоня последние месяцы, — заметила Катя, чуть сощулив свои круглые глаза, и изучающее разглядывая мое лицо.

— Я просто устала, — ответила я, принимаясь переписывать необходимый текст из книги.

Настя понимающе кивнула головой, и тоже стала быстро-быстро записывать в свою тетрадь. Катя же, прежде чем приступить к делу, еще минуту смотрела на меня, размышляя. Не обнаружив, видимо, ничего подозрительного, она тоже стала делать записи. Мы просидели так до шести вечера, и вышли усталыми, голодными. Единственная цель была — добраться скорее до дома. Мой желудок просто скрутило, когда я, проходя мимо пекарни, уловила аппетитный аромат хлеба и другой выпечки. И я была не одна такая — мы перекинулись с подругами смеющимися взглядами, а затем, втроем, поспешили на запах булочек.

В пекарне было много народу, но, к счастью, здесь работали целых три кассы, и нам не пришлось слишком долго ждать, чтобы получить вкусную выпечку. Катя выбрала пиццу, Настя — сосиску в тесте, а я — пирожок с картошкой. По религиозным причинам я не ела продукты со свининой. Выходя наружу, я вцепилась зубами в мягкое тесто, наслаждаясь его вкусом. Именно такой меня и увидел Тимур. Я на самый короткий миг замерла, так я была потрясена нашей внезапной встречей.

Тимур стоял на парковке, рядом со своим черным мерседесом, в окружении группы мужчин, одного из которых я знала – это был один из его братьев, Ильнур, кажется. Другие мне были незнакомы. Они были на приличном расстоянии от нас, о чем-то беседовали, но я уже знала, чувствовала – Тимур заметил меня.

– Ты что замерла, Камил? – заорала, оглушая, мне в ухо Катя, жуя пищу.

Настя посмотрела на меня, затем вперед, на мужчин.

– Пойдемте, подружки, пора по домам, – произнесла она. Удивительно, но мы последовали ее предложению. Обычно, лидером всегда была Катя.

Мы направились до остановки – подружки, завидев свой автобус, спешно попрощавшись со мной, перебежали через дорогу и уселись в транспорт. Настя помахала мне из пыльного окна автобуса – я вяло махнула ей в ответ. Затем, бросив взгляд на остановку, на которой было полно народу, медленно пошла пешком, жуя свой пирожок. Вот доем его, а потом – сяду на следующей. Погода была теплой, дул ласковый ветерок, и все еще было светло – вот они, блага весны. Я шла, не торопясь, размышляя и пытаюсь разобраться со своими чувствами. Что-то сжало мою грудь, отчего стало не по себе.

Неужели мне больно от того, что Тимур заметил меня, но никак не отреагировал? Что же я, глупая, хотела? Я сама не знала ответа на этот вопрос, но боль действительно сжала мое сердце. Я, наконец, доела пирожок, и чуть ускорила свой

шаг. Мне хотелось забраться на кровать и укутаться в одеяло, чтобы успокоиться.

Погруженная в чувства, которые были мне еще непонятны, я дошла до ближайшей остановки и, к счастью, тут же подошел троллейбус. Он был, на удивление, полупустой, и даже кондуктор попалась добрая и вежливая – с улыбкой заплатив за проезд, я села сзади, против движения, с неимоверной тоской на груди, разглядывая проезжающие мимо автобусы, машины. Внезапно, мой взгляд зацепился за полностью тонированный, мрачно-черный мерседес – он ехал совсем близко, что теперь, наконец, я смогла разглядеть его номер – 999. Я прошла тревожным взором по лобовому стеклу авто, желая разглядеть водителя – но из-за плотной тонировки мне этого не удалось. Тут же, следом, раздался сигнал мерседеса, и я знала – это для меня. Мои губы непроизвольно дрогнули в смущенной улыбке. Машина, продолжая нагло сигналить, промчалась мимо, а я – спрятала лицо в своих ладонях. Не забыл.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сегодня было 14 мая. Я, пытаюсь сосредоточиться, слушаю речь нашей учительницы по физике – это как раз была одна из «вампириш». Какое счастье, что это был предпоследний урок у нее. Она читала нам нотации, успевая при этом дать оценку каждому. Нужно ли говорить, что это были исключительно негативные суждения о каждом из нас? Я начала приходить к выводу, если внутри человека все плохо, он будет искать плохое в других – и Татьяна Андреевна была ярким примером этого. Видимо, она была глубоко несчастной женщиной.

Я снова проверила время на своих наручных часах – до окончания последнего урока оставалось 7 минут. Это ли не счастье? По-тихоньку, я стала складывать в сумку карандаш, линейку. Когда я потянулась за ручкой, мой взгляд скользнул по большим окнам класса – и моим глазам предстал только что подъехавший черный мерседес.

Я замерла в ужасе – словно только что возле школы приземлился дракон. Уже не видя номера машины, я знала, кто пожаловал сюда. Вот такого внимания мне точно не нужно было. Оставшиеся 6 минут стали для меня настоящей пыткой. Я сидела, мучительно размышляя, как мне поступить, что сказать подругам и учителям. В ушах застучало – от страха и охватившего всю меня, напряжения. Наконец,

прозвенел звонок – оглушающее, выводя меня из оцепенения.

– Ты чего такая бледная? – шагнув ко мне, тихонько, чтобы никто не слышал, спросила Настя. Я подняла глаза на нее – ее красивые, светлые волосы, обрамляли ее лицо, на котором застыл вопрос. Настя обеспокоенно обняла меня за плечи, шепча:

– Что случилось?

В этот момент мое сердце сжалось – и я захотела все-все рассказать ей, но тут же, нас настиг веселый, громкий голос Кати:

– Девчонки, ну вы чего застряли? Я не хочу проводить в школе даже лишнюю секунду!

Мы спустились на первый этаж, где было полно шумящих учеников школы. Как всегда, кто-то выяснял отношения, кто-то поедал булочки из буфета, кто-то списывал задания, а кто-то... залипнув у дверей, пялился на черный мерседес...

Мои ноги стали ватными, слабость окатила мое тело, когда я подошла к выходу. Мне стало совсем плохо, стоило мне открыть дверь, и увидеть на крыльце Тимура. Он стоял один, с абсолютно невозмутимым выражением на лице. Одетый в темно-синие джинсы и черную футболку, которая подчеркивала его широкие плечи и открывала моим глазам вид на смуглые, мускулистые руки со светлыми полосками в некоторых местах, Тимур выглядел магнетически привле-

кательным.

Наши взгляды встретились: его глаза, обжигая мою кожу, прошлись по моему лицу, скользнули вниз, до моих простеньких туфельек, и вновь посмотрели прямо в мои глаза. Губы Тимура изогнулись в самодовольной улыбке.

– Хм, это чей-то отец или брат? – заинтересованным голосом, спросила Катя.

Я не отреагировала на ее вопрос. Я, будто под гипнозом, сделала пару шагов вперед, ощущая лишь, как ускорилося мое сердце – оно так громко стучало, что я несколько секунд слышала лишь его. Все было, словно в замедленном фильме: вот я иду к Тимуру, вот все поворачивают головы в наши сторону, вот Он протягивает мне свою широкую ладонь, и я, ни секунды не испытывая сомнений, вкладываю в нее свои прохладные пальцы.

– Привет, – произнес Тимур своим глубоким голосом, от которого у меня побежали мурашки по телу. Его теплые, сильные пальцы сжали мои пальчики, передавая одним движением томительный жар моему телу.

– Привет, – я смотрела на него так, словно только что вручила ему свою жизнь – с надеждой, страхом и одновременно доверием.

– Сегодня – провожу, – сообщил он мне, уверенно увлекая меня за собой.

Но мы прошли недолго – всего-то пару ступенек, когда позади, раздался испуганный голос Кати:

– Камил, что происходит? Ментов вызывать?

Прежде чем обернуться, я заметила, как губы Тимура изогнулись в издевательской усмешке.

– Не нужно, все в порядке, – улыбнулась я, но тут уже слышался голос Насти – она подбежала ко мне, игнорируя Тимура. Заглянув мне в глаза, подруга испуганно прошептала:

– Ты в безопасности? Он ничего не сделает с тобой?

Милая моя Настя, откуда я могла знать? Но ради тебя, а еще потому, что хотела верить Тимуру, я отошла от своих принципов быть – абсолютно честной, и ответила:

– Да, все в порядке. Вечером я позвоню тебе.

Настя кивнула головой, не сводя с меня обеспокоенных глаз.

Мы спустились по ступенькам, и я, уловив взгляд Тимура, направленный на его машину, порывисто произнесла:

– Я не сяду в машину.

Он снова усмехнулся, затем ответил, окидывая меня тяжелым, задумчивым взглядом:

– Я знаю.

Мы пошли пешком, вдоль дороги. А рядом, не спеша, катился черный мерседес. Я была слишком взволнована, чтобы в тот момент оценить, как вероятно, смешно это выглядело – школьница, взрослый мужчина, ведущий ее за руку и крутая иномарка. Тогда мне было совершенно не до смеха и веселья.

– Как ты, Камила? – повернув ко мне свое лицо, как всегда, покрытое щетиной, спросил Тимур.

– Нормально, – сдавленным голосом отозвалась я. Более никакой ответ не шел мне на ум.

Мой спутник чуть сощурил свои каре-зеленые глаза, затем поинтересовался:

– Ты так сильно боишься меня?

Я задрожала от столь прямого вопроса, и Тимур, уловив мою дрожь, получил ответ. Он чуть сильнее сжал мои пальцы, затем перевел разговор на другую тему:

– Ну как, вкусный был пирожок?

Я покраснела и ощутила внезапную легкость. Только что мне было не по себе – и всего лишь один невинный вопрос – и все изменилось. Как такое возможно?

– Вкусный, – широко улыбнувшись, ответила я.

– Мне тоже пару раз приходилось брать там выпечку, – начал Тимур, а между тем, его взгляд был направлен вперед, сканируя пространство.

– Да, я видела тебя, – сорвалось с моих губ, и я нервно закусила нижнюю губу, уловив в своем голосе обиженные нотки.

– И я – тебя, – отозвался Тимур, и его пальцы тут же, на секунду, сжали мою ладонь ощутимо, властно, многообещающее. Я подняла на мужчину взволнованные глаза, и Тимур послал мне ласкающий, многозначительный взгляд. Горячая волна смущения и воодушевления окатила меня с го-

ловы до ног. Я спешно опустила взор вниз. Я еще не была готова к столь откровенным взглядам. Какое-то время мы шли, молча, однако это молчание не тяготило меня.

– Я приехал попрощаться, – сообщил мне Тимур, когда мы, перейдя дорогу, направились в сторону двора.

– Поняла, – кивнула я головой, пытаясь не дать печали, возникшей от услышанного, расплзтись по моей груди.

Мы остановились возле той самой скамейки, но не стали садиться на нее.

– Камила, – позвал меня Тимур, и я посмотрела прямо на него. Боже мой, какой он был красивый – мужественный, властный, взрослый.

– Да, Тимур? – произнесла я. Он сжал две мои ладони, передавая им свое тепло.

– Однажды ты скажешь мне: «да, Тимур», уже совсем по другому, – окидывая меня самоуверенным взором, пообещал мужчина. Затем, шагнув ко мне так, что наши лица стали напротив друг друга, сказал:

– Я уезжаю до весны, когда точно буду – не могу сказать. Вечерами не гуляй, себя береги. Это – тебе.

Он всунул мне в руки небольшой баллончик, поясняя:

– Это – перцовый баллончик, но я надеюсь, он не пригодится тебе. Будь осторожна.

– Хорошо, – выдохнула я, отчего-то тронутая заботой Тимура. Я торопливо засунула средство самозащиты в сумку.

– Идем, – Тимур потянул меня в сторону подъезда и я,

послушная, пошла за ним.

Стоило только входной двери открыться – впустить нас, а затем захлопнуться, как Тимур рывком прижал меня к себе, впиваясь своими жесткими, терзающими, губами в мои губы. Он целовал меня так, что моя голова начала кружиться, а дыхание стало учащенным, словно я поднималась на самую высокую гору в мире. Я не думала ни о ком, кроме нас – ни о соседях, что могли появиться здесь в любой момент, ни о том, что могло случиться после.

Наконец, когда Тимур оторвался от меня, я чуть не отпрянула от него, заметив, каким темным, хищным стало его лицо. Он удержал меня за плечи, а затем, подняв руки и обхватив ладонями мои щеки, Тимур проникновенно, с нотками едва уловимой нежности, произнес:

– До встречи, моя Камила.

И, Боже мой, после этого, я сама подалась вперед, даря Тимуру свой поцелуй – нежный, неспешный. А после – после мы расстались, и я не была уверена, что мы увидимся снова.

Стоило мне только подойти к двери квартиры, как я услышала, что наш домашний телефон разрывается от звонка. Я, напуганная, что что-то случилось, рванула к нему, и как я рада была слышать голос Насти! Пришлось около пяти минут, чтобы я смогла убедить мою верную подругу, что со мной все в порядке, что я – цела и невредима. Наконец, закончив разговор, я устало поплелась в свою комнату. Тоска и грусть окутали мою душу. И все из-за того, что Тимур уезжал.

Закончился май, начался июнь – жаркий, напряженный, состоящий из череды экзаменов. Теперь я была рада тому, что была почти все время занята – так я хотя бы отвлекалась от Тимура. Но мои подруги, а вернее, Катя, первое время все пыталась расколоть меня – особенно на следующий день после «представления» у школы. Мне действительно было нелегко сдерживать свои эмоции, я хотела поделиться своими чувствами и мыслями, но где-то внутри себя ощущала – нельзя. В итоге, чтобы Катя, наконец, сбавила свой напор, мне пришлось раз десять сказать ей, что когда наступит время, я все расскажу сама. Такой ответ, естественно, не удовлетворил мою рыжеволосую подругу, но она, хотя бы отстала от меня со своим допросом. А вот намеки, что я теперь – «взрослая девочка», остались. Но я их уже пропускала мимо ушей. Катя, видимо, переживала за меня.

ЕГЭ прошли без происшествий, хотя, признаться, я чувствовала себя настоящей преступницей, когда мы все проходили жесткий «фейс-контроль» у входа в чужую школу. Это очень давило, но в такие моменты я думала о... глазах Тимура. Я представляла, что он смотрит на меня, и от того начинала чувствовать себя увереннее. Это был мой способ не впасть в панику. Хотя были и те, кто сдался – девочка из 41 школы покончила жизнь самоубийством, когда узнала, что набрала минимальный балл по математике. И теперь, вместо того, чтобы идти на выпускной в красивом платье,

она, красивая, в свадебном наряде, лежала в гробу, собираясь в последний путь. Это стало трагедией для нашего города. Но это не смягчило сердца учителей и родителей. Они хотели высоких результатов, чтобы им не было стыдно. Спасибо моей маме за мудрость, что она не требовала у меня этого.

Я все чаще и чаще думала об этом – неужели ЕГЭ – это показатель успеха твоей личности, твоего интеллекта, твоего успеха в будущем? Неужели ЕГЭ способно прогнозировать твое будущее, будешь ли ты счастлив, будешь ли ты Человеком (именно с большой буквы, и я имела в виду не ранги и звания)? Неужели эти гребаные баллы дороже человеческой жизни?!

В конце концов, я получила ответ на один из моих вопросов – на последнем ЕГЭ, невзирая на жесткий контроль, некоторым ученикам помогли справиться с тестовыми заданиями. Надо ли говорить, что в тот день я задумалась над словом «справедливость»?

Было 26 июня, когда я пошла на свой выпускной. Для него мама купила мне красивое платье, которое выбрала я. Оно было черное, в пол, без вырезов и разрезов, из струящейся, не облегающей слишком мое тело, ткани. Единственным украшением стали мои волосы, уложенные красивой волной и босоножки с тонкими ремешками, на высоких каблуках. Если мама и удивилась моему интересному, совсем не девичьему выбору, то промолчала.

Как только мне вручили аттестат, я почувствовала, как захлопнулась дверь в мое детство и ужасную, такую ограниченную учительскими настроениями, а так же несправедливыми правилами, школьную жизнь. Для кого-то, может школьная пора и была счастливой, но точно не для меня. Но моя мама, видимо, очень прочувствовалась в это момент, потому что, когда я подошла к ней, то обнаружила, как блестят ее глаза. Из-за едва удерживаемых слез. Я обняла ее – крепко-крепко, шепча на ухо слова благодарности.

Я не стала задерживаться на школьном празднике – было как-то неприятно наблюдать, как мои одноклассницы-отличницы напиваются в туалете водкой, а затем, едва удерживаясь на высоченных каблуках, возвращаются в зал, заливая в себя бокалы с шампанским. А вот Катя и Настя, молодцы, держались бодрячком. Одна – в ярко-красном, облегающем платье, другая – в золотисто – бежевом, подруги выглядели эффектными красотками. Они веселились, но, увы, мне было невесело, и уже через двадцать минут от начала «банкета», я вместе с мамой, покинула школьный выпускной, ни капли, не сожалея об этом.

Лето пролетело как одна неделя. Только я начала расслабляться, как настала пора сдавать вступительные экзамены на исторический факультет. Я ужасно нервничала, боясь провалиться, проявиться, как неспособная, глупая и трусливая. Но все прошло спокойно – никто не заваливал меня на экзаменах, никто не придирался к моим ответам, хотя я

слышала от Кати, которая тоже рванула поступать на этот факультет, что ее замучили дополнительными вопросами. Наконец, когда я шла августовским днем в университет, чтобы посмотреть список поступивших, навстречу мне попался седовласый старичок – профессор исторического. Я вежливо поздоровалась с ним, и собралась было найти этот «судьбоносный» лист с именами счастливчиков, как Мурат Наильевич остановил меня со словами:

– Иванова Камила? – он приспустил со своего острого носа очки и внимательным взглядом окинул мое взволнованное лицо. Этот человек знает мое имя? Откуда?

– Да, – ответила я, для пущей убедительности кивнув головой.

Мурат Наильевич дружелюбно улыбнулся, а затем, сделав шаг в мою сторону, доверительным тоном сообщил мне:

– Вам-то о чем беспокоиться? Вы наверняка поступили.

Я непонимающее посмотрела на него, пытаюсь понять, в чем дело. У меня не было влиятельных родственников, а мама ни за что бы, не стала использовать свое служебное положение. Уж лучше она возьмет кредит, чтобы оплатить учебу мне в университете, чем будет кого-то просить за свою дочь.

Седые брови Мурата Наильевича поползли вверх от изумления – он прочитал по моему лицу, что я была не в курсе, кто же мне помог. Профессор потер свою маленькую, белую бородку, а затем добавил шепотом:

– Тимур позаботился об этом.

И, не дав мне что-либо сказать, Мурат Наильевич, шаркая своими ногами, направился в сторону кабинетов. А я стояла, пораженная, уязвленная и одновременно обрадованная. Я стала студенткой исторического факультета. И тут же, в голове мой всплыли слова Тимура: «ты поступишь на исторический».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Осень ворвалась в мою жизнь, принося новые впечатления – новых и старых знакомых на нашем курсе, острое желание быть успешной студенткой, и намерение доказать самой себе, что я достойна этого престижного места. Я вцепилась в этот шанс, подходя к нему со всей, присущей мне ответственностью.

А еще, осень принесла разочарование и щемящую тоску. Теперь, когда дни стали значительно короче, и взамен бабьему лету, пришли сырость и слякоть, я, возвращаясь с университета, сразу же домой, искала глазами черный мерседес. Я вглядывалась в проезжающие мимо машины, я смотрела по сторонам в глупой, девичьей надежде увидеть то самое авто. Я скучала по Тимуру. Помнил ли он обо мне? Я хотела бы знать, что да и еще раз да.

Что касемо разочарования, то оно подкралось ко мне с нескольких сторон. Настя, неожиданно для всех нас, уехала к своей тетке поступать в Москву, и она поступила! Я была искренне рада за нее, но, признаться, я резко ощутила, как мне стало не доставать ее добрых слов. Однако я от души желала ей успеха и молилась о том, чтобы у Настюши все получилось! С ее умом и старательностью, Настя была достойна успеха. И я верила в нее.

А вот с Катей наша дружба стала исчезать. Она, всегда

яркая и общительная, примкнула к группе таких же ярких, и, что самое главное, обеспеченных девчонок. У них всегда имелись деньги на тусовки, их «прикиды» были самыми модными, а вечерами она часто «зависали» в клубах. А я была не такой – и потому стала лишней. Нет, Катя не грубила мне, но постепенно и одновременно неизбежно, наше общение сократилось до минимума. И это было очень больно. Быть лишней. Наша «святая троица» распалась.

Было бы ложью сказать, что я легко восприняла эти перемены в моей жизни. Иногда, я ложилась спать и плакала. Порой, я едва сдерживала себя, чтобы не поделиться своей печалью с мамой. Но у мамы были свои заботы – каждый день, после школы, она сидела с внуком (сыном моей старшей сестры), они жили в другом районе города, так что с мамой мы виделись только перед сном. И она видела лишь одну половину меня – относительно успешную, правильную. Теперь, в глазах мамы, я была «большая девочка», и я не смея, сообщить ей, что иногда это не так. Я словно вновь оказалась в детстве, когда на фоне нашей семейной трагедии, я была вынуждена делать вид, что все хорошо – чтобы не расстраивать маму.

Но я, как и прежде, нашла в себе силы справиться со всем сама. Я прошла все стадии – неверие, дни рыданий, за которыми, наконец, пришло принятие. Раз это случилось, значит, так было суждено. Я мысленно пожелала Кате успеха и отпустила нашу дружбу с понимающей улыбкой. Говорят,

родственные души сами найдут тебя. И я верила в это. И я ждала этого. Боже мой, как ждала.

Как я и думала, на историческом было учиться престижно, поэтому, неудивительно, что среди 30 человек, лишь 5 были простыми студентами, в том числе и я. На нашем потоке учился и Влад, тот самый мальчик, который в 14 лет нравился мне. Ключевое слово – нравился. Сейчас, глядя на его хилую фигурку и слишком женственное лицо без признаков растительности на нем, я не понимала, что такое могло быть со мной, чтобы этот человек нравился мне, мало того, я плакала, когда он предпочел мне местную, развитую в одной области, девушку. А теперь понимала – меня просто Бог уберег.

Но дело было не в этом. По какой-то, только Владу известной причине, с октября он начал цепляться ко мне. То скажет что-то нелепое, граничащее с неприличным, то пошлет мне тошнотворную улыбку. Я это игнорировала, понимая, что Влад ждал от меня какой-то реакции, и мое равнодушие самое неприятное для него. Но, вскоре, случилось то, что я уже не смогла стерпеть.

Стоял морозный декабрь, темнеть начинало рано. В этот раз лекции закончились около пяти вечера – впервые так поздно за эти месяцы. Когда я вышла из корпуса университета, то словно шагнула во тьму. Отчего-то фонари еще не работали, хотя было так темно, как ночью. И лишь свет, льющийся из некоторых окон, а так же белый снег, скромно ле-

жащий на земле, спасали положение.

Я всегда опасалась этого времени суток, мне казалось, что в любой момент, из-за угла на меня накинута монстра в человеческом облики. Слишком много, будучи ребенком, я слышала историй об ужасных случаях, которые происходили с девушками. Но в любом случае, мне нужно было возвращаться домой. Я, торопливо пересекая почему-то безлюдную площадь перед университетом, спешила к остановке. Там хотя бы был народ. Снег приятно скрипел под подошвой моих дутых сапожек. Я шумно втянула воздух, наслаждаясь его свежестью, и заодно пытаюсь успокоиться.

Когда я почти вышла с территории университета, то едва не столкнулась с моим давним знакомым, Владом. Он был не один, а с группой молодых людей, и, вероятно, именно поэтому расхрабрился. Влад шагнул в мою сторону.

– Милка, – выдохнул он мне в лицо, и я резко отпрянула от него, намереваясь обойти Влада и его пятерых друзей. Они противно заржали, и, словно, играя со мной, преградили мне путь.

– Дай дорогу, – процедила зло я Владу, сама же нырнула рукой в карман куртки, вцепляясь дрожащими пальцами в перцовый баллончик. Господи, хоть бы не было причин использовать его.

– Пуцу, если ответишь. Как там с татаринoм-то, удалось со своей целкой распрощаться? – зло спросил Влад, надвигаясь на меня. Мой живот скрутило от страха и отвращения.

– Не твоё дело, – я попятилась назад, переводя взгляд с Влада на его дружков, пытаюсь оценить ситуацию – у всех них были такие лица, что я понимала – ни один из них даже не подумает заступиться за меня. Напротив, любой из них будет рад принести мне унижение. На миг, мне показалось, что я окружена не людьми, а стаей гиен. Как в мультики «король лев». Такие же противные морды, голодные взгляды, для полной картины не хватало только слюней.

– А мамка твоя узнает, интересно, что скажет? – загоготал Влад, делая очередной шаг в мою сторону.

И тут я уже не сдержалась – резко выдернув руку вперёд, я направила на этого урода баллончик, с силой нажимая на него. Поток ядерного газа ударил в сторону Влада, отчего тот, на миг, завопил от боли и злобы. И, если бы он был один, я бы смогла убежать. Но его верные дружки, толпой, ринулись на меня, однако не успели даже коснуться и сантиметра моего тела, как раздался такой оглушающий свист, что мне показалось, что я оглохла.

Откуда ни возьмись, двое мужчин, как щенков, раскидали моих обидчиков, нанося им ряд точных, профессиональных ударов. Те, даже не думая отбиваться, поджав свои трусливые хвосты, разбежались в темноте, а вот Владу досталось. Когда я пришла в себя от шока, то обнаружила его, лежащего на спине, а какой-то высокий мужчина, пинал его под ребра. Каждый удар вызывал скуление у Влада. Он был так похож сейчас на побитую собаку. Только собаку мне было бы

жаль, а вот его – нет. Я стояла, напуганная, не смея двинуться с места. Высокий мужчина повернул в мою сторону голову, и в нем я, с облегчением, узнала Ильнура.

– Камил, успокойся, – произнес он, отходя от Влада и уверенно шагая в мою сторону, – идем, мы проводим тебя до остановки.

Я, соглашаясь, качнула головой, и громко шмыгнула носом.

– Да не плачь ты, – раздался голос Дамира, который вышел из темноты, – никто тебя больше не посмеет обидеть. Мы их хорошо проучили.

Ильнур брезгливо посмотрел на скрюченное тело Влада, говоря:

– Добил бы сам, только это дело Тимура. Ему это точно не понравится.

При имени «Тимур» я вздрогнула, вопросительно глядя на Ильнура, тот вежливо (оказывается, бандиты умели и так) улыбнулся и протянул своим удивительно мелодичным голосом:

– Саям передавал.

Я смущенно-счастливо улыбнулась. Сердце сладко затрепетало, и, когда я благополучно добралась до дома, то уже почти не помнила о плохом. Этой ночью я заснула впервые за эти месяцы удивительно спокойным сном. В своих сновидениях я видела властные зелено – карие глаза Тимура и словно слышала его бархатистый, вызывающий мурашки

и странное томление во всем теле, голос.

На следующий день Влада не было видно в университете. Он появился лишь в конце декабря – и теперь держался от меня на почтительном расстоянии, не позволяя себе даже смотреть в мою сторону. И, признаться, я была крайне рада этим переменам.

Прошли новогодние праздники, которые я, как и в прошлые годы, провела дома. Под шум салюта и петард, которые взрывали в нашем дворе малолетки, я, глядя на светящееся небо, желала себе счастья и взаимной любви. Именно взаимной – ибо только она могла быть настоящей. В эти зимние каникулы к нам приезжала сестра с сыном – и наша квартира, на время, заполнилась веселым детским смехом и запахом какашек. Это были, поистине, семейные праздники – мы смотрели старые советские фильмы по телевизору, готовили салаты и пельмени, пересматривали наши детские фото и вспоминали веселые, и не очень, истории из прошлого. К сожалению, у меня не было доверительных отношений с Машей – и я не могла ее в полном смысле назвать старшей сестрой, которая могла бы дать добрый совет, поддержать и понять – между нами были не только 7 лет разницы, но и пропасть в суждениях и взгляде на мир. Моя ранимость и мечтательность воспринималась ей как слабость, а уж мое желание быть с одним-единственным мужчиной всю жизнь и подарить ему свою невинность, считалось чуть ли не пси-

хическим отклонением в ее глазах. А еще, я чувствовала, что она никак не может мне простить того, что я появилась на свет, частично забирая любовь родителей себе. Она никогда не говорила мне об этом прямым текстом, да этого и не нужно было – это ощущалось. Пусть так. Мы были разными, но это не уменьшало моей любви к ней. Да, мы не общались тепло и нежно, но она оставалась моей старшей и единственной сестрой, которой я желала счастья. Надо ли говорить, как радовалась мама, когда мы, собравшись за одним столом, пили чай и просто болтали о том, о сем? Для матери ведь наблюдать, как ладят ее дети, большая радость. Вот и наша мама была очень счастлива.

Когда наступило первое февраля, я ощутила, как волнение, пронзив меня с головы до ног, озарило меня – до весны оставалось меньше месяца...

Я, конечно же, успела подхватить вирус в последние дни зимы, и провалялась почти до своего дня рождения дома. Сопли, кашель, температура – мне казалось, что я окончательно расклеиваюсь. Я ненавидела болеть и ощущать себя слабой, ох, как не любила. К счастью, уже 5 марта все эти противные симптомы покинули меня и я, будучи на больничном до 10 марта, теперь могла немного полениться дома.

Ощущая странное томление в своей груди, в тщетной попытке успокоиться, я принялась за чтение «властелина колец». В этот раз я прониклась чтением этой восхитительной книги, с восхищением путешествия вместе с главными геро-

ями. Но особого моего внимания удостоился, конечно, Арагорн. Благородство, мудрость, решительность – все эти качества были присуще ему и, неудивительно, что он стал моим самым любимым героем.

Итак, унесшись в путешествие по Средиземью, каждый день, я, сделав домашние дела, читала с обеда до самого вечера. Каждый раз мама заставляла меня, сидящей в старом кресле, возле окна, хотя у нас имелись и более удобные места для чтения книг. В бабушкиной комнате был сделан ремонт, и теперь у мамы там было что-то вроде рабочего места – там был стол, полки с книгами и тетрадями, но я редко заходила туда – потому что воспоминания о бабушке были все еще живы в моем сердце. Думаю, как и у мамы, просто, в отличие от меня, она являлась более мужественной и сильной духом. Из-за нас, своих детей.

Мое 18-летие началось, как ничем непримечательный, пасмурный день. Когда я, наконец, вылезла из своей теплой кровати, я была дома одна. Прибравшись и сварив обед, я осмелилась заглянуть в ванну и посмотреть на собственное отражение. Я замерла у зеркала, разглядывая отражение и, быть может, снова знакомясь с собой. Те же большие, серые глаза, тот же курносый нос, та же бледность. Прошел еще один год. На год стала старше. Целых 18 лет. Я смотрела на себя, заглядывая в свои глаза, пытаюсь понять – случились ли со мной, какие-либо перемены. Поумнела ли я? Стала ли лучше? Чему-то научилась? Я хотела бы думать, что да.

Сегодня мама пришла раньше, чем обычно. Шурша пакетами, она, расцеловав меня в обе щеки и вручив подарок – комплект белоснежного белья, упорхала на кухню, уже оттуда крича:

– Камил, давай принарядись, у нас сегодня к пяти будут гости. Как-никак, тебе 18!

Я, удивленная и тронутая таким шикарным подарком, еще больше изумилась ее словам. Я и не думала, что мы будем праздновать мой день рождения.

– Ну что ты, замерла? – мама высунула голову с кухни, тепло улыбаясь мне, – Маша с семьей приедет, и еще будут гости.

Я нехотя поплелась в ванную комнату. Все-таки, я была интровертом и уставала от общения с людьми. Но, с другой стороны, я была рада и благодарна, что мама решила сделать для меня праздник. Впервые за 5 лет она позвала гостей домой. Поэтому, я приложила максимум усилий, чтобы выглядеть, как и подобает имениннице – вымыла и высушила волосы, сделала легкий макияж – подчеркнула ресницы черной тушью и нанесла каплю блеска на губы.

Распахнув все тот же старый шкаф, извлекла из него синие джинсы и розовую кофту с длинными рукавами. Забегав в ванную, придирчивым взглядом окинула свое отражение – на взрослую даму, безусловно, не похожа, но и на подростка тоже. Я, конечно же, могла надеть свое единственное, летнее платье, но в нем я ощущала себя жутко неудобно

и незащищенной. Поправив волосы, я направилась на кухню к маме.

Она как раз резала апельсины, и я, заведя их, тут же окунулась в воспоминания прошлого года, как Тимур передал для меня фрукты. В груди что-то тоскливо защемило, отчего флер праздничного настроения мигом улетучился. Видимо, это отобразилось на моем лице, потому что мама, отложив нож в сторону, спросила:

– Ты что, Камил? Болит что?

Болит, мам, болит. Только я тебе не скажу где, и почему болит. Раньше молчала – промолчу и сейчас. Я постаралась как можно естественнее улыбнуться и ответила бодрым голосом:

– Да все хорошо, мам. Давай, я сыр нарежу?

Стрелки часов показывали без десяти пять, когда в дверь настойчиво позвонили.

– Открывай, именинница, – окинув меня теплым взглядом, попросила мама.

Я, взволнованная, подошла к входной двери. Даже не удосужившись посмотреть в глазок, я открыла ее, и тут же, мои глаза уперлись в букет из семи розовых роз...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я, наконец, подняла глаза, и увидела того, кто принес мне чудесный букет. Передо мной стоял среднего роста и плотного телосложения, молодой мужчина в пальто и, чуть позади него, пышная дама. Резкий аромат ее парфюма ударил мне в нос.

– Ирина Григорьевна, – выдохнула я, узнавая в женщине мамину коллегу. Я не видела ее лет пять. Затем, вновь перевела взгляд на мужчину, мучительно вспоминая, кто же это. Но Ирина Григорьевна опередила меня, протискиваясь, как танкер, вперед, и заявляя с материнской гордостью:

– Камила, это – Славик, мой сын.

Я отошла в сторону, пропуская гостей. Они разулись и сняли верхнюю одежду, а затем, прошагали в зал, где уже был накрыт стол. Не успела я отойти от двери, как раздался очередной звонок – в этот раз на пороге показались Маша со своей семьей – 2 – летним сыном, одарившем меня самой теплой улыбкой в мире, и мужем. Родственники вручили мне пакет с подарком, и так же прошли в зал.

Я последовала за ними, нерешительно застыв у входа в комнату.

– Цветы надо поставить в воду, а то завянут, – назидательно-учительским тоном сообщила мамина коллега, и я, забрав букет со стола, ринулась с ним на кухню.

Где же эта ваза? Я перекопала все шкафчики, затем, наконец, отыскала большую банку, и, заполнив ее водой, аккуратно поставила в нее розы. Надо же, мой первый букет. Я нежно провела кончиками пальцев по бархатистой поверхности лепестков. Красиво.

– Это кто подарил – то? Ухажер? – заглянув на кухню за водой для сына, спросила Маша.

– Славик, – обернувшись, ответила я, отходя от букета и подавая сестре бокал с чистой водой.

– Теть Ирин сын, что ли? – Маша округлила глаза, выказывая этим свое удивление.

– Ага, – я вяло улыбнулась, не имея никакого желания идти к гостям.

– Богатые они, – сухо констатировала сестра, – он, кстати, очень похож на крота.

Машино сравнение попало в точку. Стоило мне сесть за стол, как я действительно нашла сходство Славика с кротом из советского мультика «Дюймовочка». Идеально зализанные на бок, блестящие от геля, черные волосы, чисто выбритое лицо, отглаженный костюм и накрахмаленная рубашка. По профессии – юрист. По жизни – маменькин сынок. Как бы Ирина Григорьевна не расхвалила своего сына, мне стало очевидно – человек в свои 25 все еще был привязан пуповиной к своей маменьке. Ни собственного мнения, ни свободного мышления, ничего не было в этом правильном Славице.

Мама и тетя Ира беседовали о работе, Маша что-то пыталась доказать своему мужу, успевая при этом кормить сына, а Славик был поглощен поеданием котлет. А я, такая лишняя на собственном дне рождения, устремила взор в окно – там уже стемнело, вдали виднелись светящиеся окна соседних домов и загорающиеся фонари. Тоска в очередной раз сковала мое сердце, когда я поняла, что никто из моих подруг не поздравил меня. Мой верный спутник – одиночество, незримой рукой обнял меня за плечи, отчего мне сразу же захотелось разрыдаться.

Я, не замеченная никем, улизнула на кухню. Стоящий на столике букет уже не радовал меня. Ну невозможно подарками заполнить ту тоску, что вновь и вновь напоминала о себе. Здесь было нужно совсем другое, неповторимое. Родственная душа. Я, прижавшись лбом к окну, наслаждаясь прохладой стекла, молчаливо смотрела вдаль. Глаза обожгли слезы, и я часто-часто заморгала, сердясь на себя – это что, я скатываюсь в жертвенное состояние? Я всей душой не хотела ей быть. Смахнув слезинки с ресниц, я отошла от окна и вернулась в зал.

Там, как раз тетя Ира и ее сын уже, выйдя из-за стола, собирались домой. Мама, завидев меня, обратилась ко мне: – Камил, а мы на завтра с тетей Ирой и Славиком договорились, что поедем все вместе в театр. Там как раз премьера. Славик теперь на машине и заедет за нами. Ты как?

Мама выразительно посмотрела на меня своим особым,

учительским взглядом «не вздумай перечить мне». Боже мой, что она задумала, неужели и правда, Славик метит в мои ухажеры? Я перевела взор на тетю Иру – она, слишком сладко улыбаясь, смотрела на меня. Затем, я посмотрела на ее сына – Славик смущенно смотрел на меня.

– Я не знаю, получится ли у меня поехать с вами, – решилась сообщить я, и мамины брови выразительно поползли вверх.

– У меня были другие планы, – тут же добавила я, вызывая своим ответом гамму реакций на лицах – от почти оскорбленного выражения у тети Иры, досады у Славика, и строгости – у мамы.

– Ладно, да завтра еще есть время, – примирительным тоном сказала мама.

Я промолчала – ибо не хотела давать надежды на то, что не собиралась делать. Тетя Ира и ее сын, попрощавшись, наконец, ушли, следом и за ними отправились и Маша со своей семьей – на тот момент мой маленький племянник уже почти спал, и они вызвали такси.

Я, взяв кусочек праздничного торта, забралась на кресло, что стояло у окна. Поглядывая сквозь небольшую щель меж штор на ночную улицу, я медленно, размышляя, поела лакомство. Бисквит был хорошо пропитан сиропом, а кусочки грецкого ореха добавляли особую пикантность тарту. Мне нравился его вкус.

– Ну, и как это называется? – раздался усталый голос, и я,

повернув голову, застала маму, стоящей на пороге в комнату.

– Ты о чем? – я облизала ложечку и положила ее на тарелку.

– Ты сама знаешь, – мама тяжело вздохнула, – я тут, понимаешь ли, стараюсь. Славик – образованный, умный молодой мужчина. К тому же, неплохо зарабатывает для нашего города. Тебе не кажется, что это неплохая партия для тебя, Камил?

– Я думаю, этого недостаточно, чтобы он мне понравился, мама, – честно ответила я, глядя на ее вмиг погрузневшее лицо.

– Ах, Камила, – она подошла ко мне, проводя ласковой рукой по моим волосам, – ты посмотри на меня. Твой папа мне очень нравился, да что говорить, я обожала его. И посмотри, к чему это привело? Сколько лет мы мучились рядом с ним! И хорошего-то вспомнить не могу. Самое лучшее от него – это вы, и больше ничего. И вот, что я скажу тебе – не нужно, чтобы мужчина нравился тебе, главное, чтобы он был в восторге от тебя.

В словах мамы была доля правды, а еще сквозили грусть, разочарование собственным выбором и страх за меня.

– А Славик в восторге от меня? – шутливым тоном спросила я, хотя, на самом деле, мне хотелось разрыдаться. Потому что мне стало невыносимо тяжело на душе от ее признания.

– Ну, Славику, ты, конечно, понравилась, еще бы, такая

чистая, красивая девушка. А вот тетя Ира прямо под хорошим впечатлением от тебя.

Я, на миг, закрыла глаза, и тут же увидела свою возможную, ужасную жизнь в будущем: инертный Славик, властная, контролирующая его, и теперь меня, тетя Ира в лице свекрови. Я содрогнулась от страха.

– Нет, мама. Я не поеду с вами. Мне уже 18, и я хочу делать сама свой выбор, и, даже если я ошибусь – это будут мои ошибки, – произнесла я, глядя прямо ей в глаза.

Что-то вроде яркого осознания, что я – действительно не маленькая девочка, и уже тем более, не кукла, промелькнуло на мамином лице. Мягкая улыбка тронула ее губы, и она благосклонно произнесла:

– Ты права.

Я уже собиралась спать, когда телефонная трель заставила меня как можно скорее взять трубку.

– Алло?

– Камил, с днем рождения! Полдня звоню до тебя, не могу дозвониться! – раздался теплый голос Насти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.